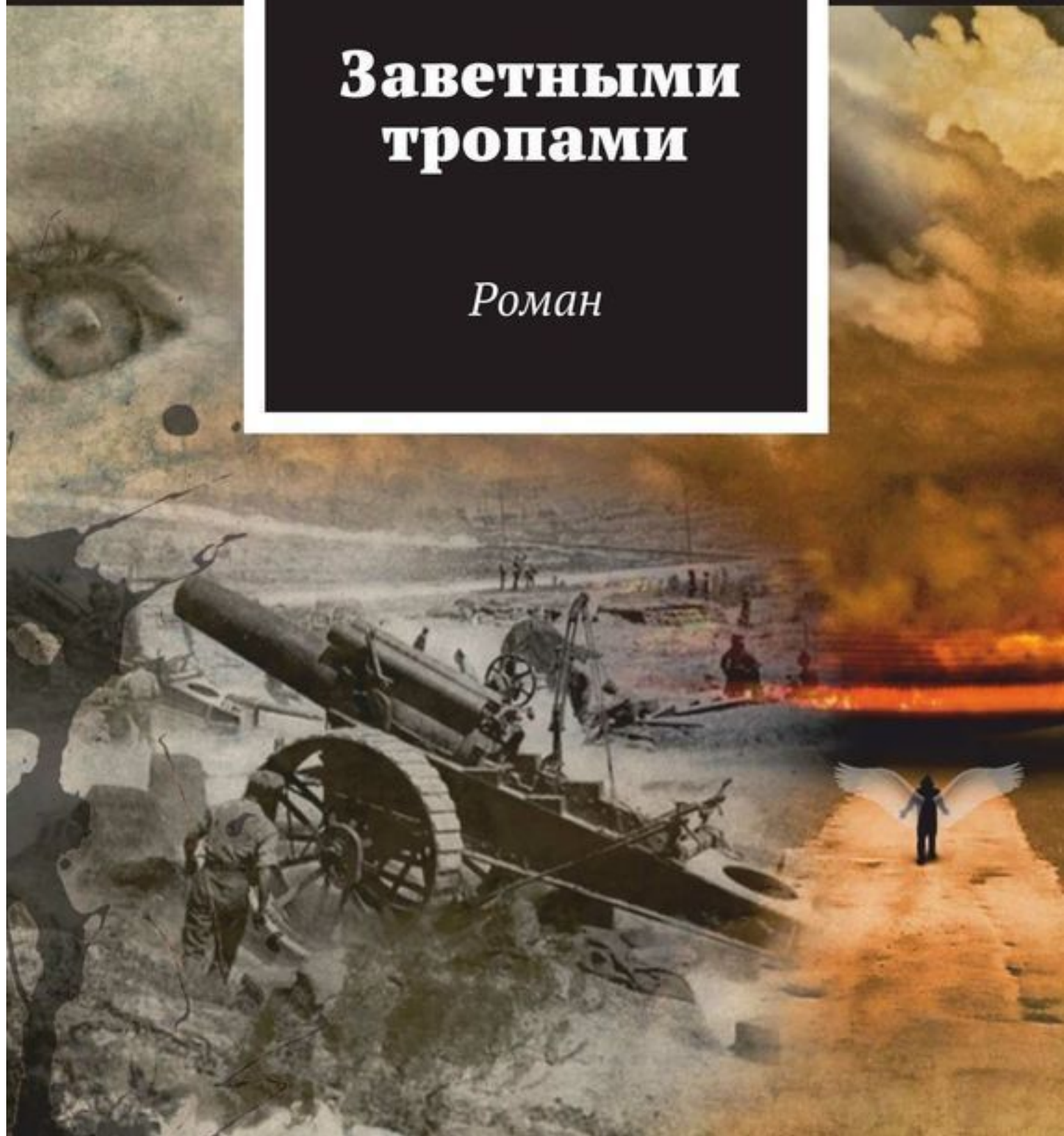

Максим Дуленцов

Заветными тропами

Роман

Максим Дуленцов

Заветными тропами

«Издательские решения»

2015

Дуленцов М. К.

Заветными тропами / М. К. Дуленцов — «Издательские решения», 2015

Приключенческий роман пермского писателя Максима Дуленцова «Заветными тропами» посвящен поиску истины, следы которой затерялись в Перми. Вышедший роман смело сочетает в себе исторические факты и авторский вымысел, которые ложатся в основу повествования. Поиски Ковчега сопровождается настоящая борьба, сопряженная с интригами между церковниками, членами императорского дома, военными и даже нацистами. Поиск Ковчега уподобляется поиску истины, которая откроется не каждому, и следы её ведут в Пермь.

© Дуленцов М. К., 2015

© Издательские решения, 2015

Заветными тропами

Роман

Максим Дуленцов

© Максим Дуленцов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru
Пермь, год 2010 от Рождества Христова

Майский день обещал быть теплым. Снег еще кое-где лежал по темным ложкам, в елках и сырых низинах, но был уже подтаявший, с черными крапинками. Ледоход на Каме давно прошел, снега было мало нынче зимой, реки остались совсем без воды, особенно после ужасно жаркого прошлого года. Самое то

Макс еще вчера договорился с Юрой поехать на селище с раннего утра, походить по берегу с металлоискателем. Юра был старый «черный копатель», знал места, но ленился ездить сам, да и машинка у него была не вездеходная, а для такого дела надо было внедорожник. У Макса он был. Поэтому, несмотря на то, что он недолюбливал Юру за его жадность и барышничество – тот продавал находки – Макс с удовольствием предоставил свой новый внедорожник для поездки за очередным приключением – вдруг что найдем?

Так, сапоги-болотники, лопата «фискарс», другая не пойдет – не выдержит, надежный металлоискатель уже нашли свое место в обширном багажнике. Жена завернула в кулек бутербродов, термос с чаем – все было готово, и под пересвисты невидимых птиц Макс нажал на газ в сторону Юриного дома. Тот уже ждал у подъезда.

– Куда едем-то?

– На Чусовую. Там сейчас воды нет, берег оголился, по картам деревня старая, вроде селище было. Недалеко, от Чусовского моста километров тридцать.

– Нормально, поехали.

На дороге в столь ранний час еще почти никого не было, и они быстро домчались до моста, а через пяток километров свернули на проселок. Проселок после таяния еще не просох, машина то и дело клевала носом в лужи и натужно редела, буксуя в каше из воды и глины. Вскоре проселок завернул в ельник и закончился. Макс тормознул.

– Куда?

– Туда, – Юра показал на просеку, поросшую молодыми елочками.

– Всю машину ж поцарапаем, – пробормотал Макс, но осторожно тронулся в направлении просеки. Елки зашуршали по бортам машины. Просека прорвалась через поросль, и автомобиль выполз к огромной луже. Справа и слева стояли деревья, и Макс, плюнув мысленно, с разбегу залетел прямо в нее. Внедорожник, немного посопротивлявшись, остановился посередине.

– Все, приехали, блин..., пошли толкать.

Полчаса они толкали, копали, подкладывали под колеса лапник и полешки. В итоге, в очередной неистовой попытке машина, хрюкнув, выскочила на твердь. Умылись в луже, покурили.

Через несколько минут они выехали на поляну у реки.

Чусовая была еще коричневого цвета, мутная, от нее несло холодом. Перед кромкой воды до берега простиралось громадное пространство песка и гальки шириной метров пятьдесят. Раздолье!

В стороне, метрах в десяти, на берегу виднелись полусгнившие развалины какого-то строения советских времен.

– Тут база отдыха была раньше, в семидесятых, потом все забыли, запустение... вон и остатки причала валяются. Вон, видишь, из песка торчат? – Юра показал рукой на ржавые остовы дебаркадера.

– А где деревня-то старая была?

– Ее затопило в 1954, когда плотину построили. Она в реке... Сейчас, может, по ее кромке пройдем, когда воды нет, зацепим с десяток монет... Давай, расчехляйся, пошли, уже проверить охота, покопать, – Юра начал собирать прибор.

И они начали копать. Сначала сигналов не было, но вскоре Юра нарвался на советские монетки в большом количестве.

– Видать, пляж был, вон, сколько потеряли, – улыбался он. Азарт начал вползать в мозг медленно, но верно. Нужны были находки. У самой воды они действительно зацепили с десяток имперских монет. Юра был доволен.

– Ну вот, эту продать можно, нечаятая, – говорил он, в который раз рассматривая на ладони найденный зеленоватый кругляш с царским орлом.

У Макса дела шли не так успешно. Конечно, монеток он накопал, но ничего редкого не было, в основном «никлашка» 1915—16 годов.

Неожиданно прибор издал странный сигнал и потух.

«Железяка, – подумал Макс, но решил копнуть – вдруг горшок с кладом? Вдруг удача?»

Со второго раза лопата выволокла на поверхность продолговатый предмет неправильной формы, со странным блеском. Почти золотым. Или реально золотым?

Макс в возбуждении опустился на колени. Конечно, первая заповедь копателя – не трогай находку, не чисти ее сразу – но Макс теперь игнорировал это правило. Блестело не по-детски. Он осторожно очистил шутовину от глины и песка. Протер перчаткой. Это был нож. Точнее, кинжал, иначе не назвать. Неужто персы? Не фига себе... Макс от переизбытка адреналина не мог толком вздохнуть. Радость переполняла.

Юра подошел.

– Че у тебя?

– Вот что, – Макс протянул ему находку.

– Круто. Кинжал вроде. Ручка что, золотая? Похоже, да. Толстая только какая-то. А лезвие не трогай, смотри, оно все в коррозии – железное, видать. Сломаешь еще.

– Ладно, – Макс побежал к воде, промыл находку. Действительно, кинжал, ржавое лезвие, толстенная рукоятка, гарда почему-то с одной стороны, навершие блестит, точно золотое. Накладки на рукояти темные, витые. Одна чуть отходит. А что там, под ней? Что это? Макс в нетерпении дернул накладку, которая неожиданно легко отошла в сторону. А под ней, как матрешка в матрешке, лежал, блестя золотом, массивный ключ...

Пермь, год 1977 от Рождества Христова

Вовка не любил рано просыпаться. Рано просыпаться – это лишать себя прекрасных снов, в конце которых Вовка всегда летел, летел на кровати, сначала вверх, а потом резко вниз, с поворотами и по спирали, аж дух захватывало. Даже иногда было страшно. А когда надо было встать рано – Вовкин сон не успевал дойти до точки падения и щекотки в животе, не до конца он был. Но рано вставать надо было всегда с понедельника по пятницу, с сентября по июль. Потому что Вовка, как и все советские дети до семи лет, ходил в детский сад. Детсад был далеко и от дома бабушки с дедушкой, и от дома, где Вовка иногда ночевал с мамой. Почему, Вовка не догадывался, да и вопросов не задавал.

Каждое утро мама будила его, поднимала из теплой постели на диване в большой комнате с пальмой и телевизором «Рекорд», вела в ванную, туалет и на кухню, где спаивала молоко, если было, или воды с вареньем, и они отправлялись в детсад. О, дорога до детсада была увлекательна, сначала они шли до автобуса тридцатого маршрута, других автобусов Вовка не знал, но маршрут этого он изучил досконально. Автобус ехал через всю громадную и неизвестную Пермь. При входе в автобус надо было обязательно купить билетик, розовый, за шесть копеек. Мама давала монетки, Вовка кидал их в щелку аппарата, выдававшего билеты, и крутил никелированную ручку, наблюдая, как монетки по резиновой гусенице ползут к отверстию и со звоном падают в недра аппарата, а из щелки сбоку вылезает заветный билет. Затем надо было аккуратно его оторвать и проверить на счастливость. Мама научила его проверять билеты на счастливость, а деда научил считать. Конечно, это было в обратном порядке, но суть в том, что Вовка усиленно складывал три цифры слева и три справа, и если суммы этих цифр совпадали – значит, будет счастье сегодня.

Автобус был большой частью жизни Вовки. Он долго пробирался по своему круговому маршруту от завода Свердлова до Комсомольской площади. И большую часть этого маршрута в нем ехал Вовка в детсад. И обратно. Ехал, наверно, час. Не меньше. Он помнил все названия остановок и громко их объявлял, если мама не просила его делать это чуть тише. Пассажиры улыбались и даже некоторые благодарили Вовку, но только когда не было давки. В давке, конечно, было неуютно и даже плоховато. Приходилось держаться за ноги. Даже за чужие. До свободных сидений добраться было невозможно, а уступать место маме с ребенком перестали, когда Вовка только входил в сознательный возраст – где-то около двух лет. А сейчас ему уже шесть!

По приезде на нужную остановку, которую Вовка тоже громко объявлял: «Остановка улица Чкалова!», они с мамой выходили и шли в детсад. Через громадный сквер, где росли дубы, и можно было собирать по дороге желуди.

В конце концов путь заканчивался в прихожей детсада, у привычно стоявших шкафчиков с различными изображениями, у Вовки – петушок. Пахло детской кухней, топленным молоком и противным винегретом, который давали регулярно и повседневно на завтрак, обед и ужин. Мама уходила, и начинался день... День протекал быстро и увлекательно, но Вовка всегда с нетерпением ждал, когда он закончится. Ведь вечером придет мама и увезет его опять на желтом «Икарусе» домой. А дома так хорошо! Дома все его игрушки, уложенные в тайном месте – в кладовке в спальне бабули и деды. На нижней полке. Между старинным неработающим приемником, на котором, когда бабуля не видит, можно пальцем крутить пластинки, и из-под белой, похожей на кость палки с иглой звучат божественные неизвестные звуки музыки.

Иногда за Вовкой приходил дед. Это был праздник! Деда всегда был непредсказуем и никогда не ездил на автобусе. Когда он приходил вечером в садик, Вовка знал, что их ждет незабываемое путешествие домой по неизвестным тропам, через речку, толстые трубы и кусты ивняка. Идти надо было долго, но почему-то не дольше, чем ехать на автобусе. Кроме того, у деда всегда была с собой конфета, которую он выдавал Вовке на середине пути, как раз у мостика через речку Егошиха. Речка была быстрая и вонючая, а конфета сладкая и с орешками. Называлась «Агат», в черном фантике. Дед шел молча и загадочно улыбался, глядя на Вовку, а Вовка просто улыбался, потому что мир был прекрасен, особенно с конфетой за щекой.

В четыре года деда научил Вовку разбираться с цветом. Долго они вместе крутили белый пластмассовый кубик с наклеенными на него разноцветными кружками, и деда заставлял Вовку повторять названия цветов. Это пытались сделать и мама, и бабуля на больших кубиках, из которых можно было построить домик, но Вовке быстро наскучивала эта игра, и цвета он путал, а дед настойчиво просил показать на маленьком цвет по несколько раз. Дед был глух

на одно ухо и не слышал ответов с той стороны, и пока Вовка понял, с какой стороны надо кричать название цвета в большое и мягкое ухо деда, он уже все выучил.

В пять лет деда без всякого объявления и просьб со стороны Вовки притащил летом велосипед «Левушка». С двумя большими колесами и двумя маленькими сзади, которые смешно гремели по асфальту. Вовка обрадовался жутко и даже не заметил, что через неделю дед отвинтил маленькие колеса. Когда Вовка первый раз грохнулся, дед усмехнулся на истеричные крики прикрутить обратно и с той же настойчивостью, как и с цветным кубиком, начал толкать Вовку на велосипеде для придания начального ускорения и удержания равновесия. Так, покатавшись с дедом две недели, Вовка начал ездить на двух колесах. Правда, когда деда куда-то укатил на неделю, он устроил жуткий скандал – толкать его никто не хотел, все были заняты. Но от безысходности начал, посмотрев на мальчишек во дворе, отталкиваться сам, и через неделю гордо показывал деду, как он прекрасно ездит без сторонней помощи. Дед опять загадочно усмехался в усы и уходил домой смотреть телевизор. Деда был кумиром Вовки.

Пермь, год 1939 от Рождества Христова

1.

Светило солнце. Яркое, ослепительно белое, летнее, обещающее жаркий и пыльный день. Егор только встал и теперь пытался осмыслить, где отец и как свинтить с огорода, чтобы батя не запряг его чинить забор, коим он пугал Егора всю прошлую шестидневку. Забор уже давно покосился, а со стороны сада и вовсе упал, так что работы было на все воскресенье. Воскресение нынче пришлось на утвержденный выходной день, и отец с матерью с утра ушли в церковь. Егор стеснялся этой привычки родителей, хотя многие старики посещали последнюю действующую Всесвятскую церковь на городском кладбище у Егошихи. Идти туда был не ближний путь, трамваи в выходные были переполнены, так что ожидать приезда родителей можно было не раньше полудня. Егор потянулся, радуясь солнышку и свободе. Со стороны калитки послышался свист. Выглянув в окно, Егор узрел друга своего, Витьку.

– Егорка, че, проснулся? Айда на Иву, сорога пошла, половим! – Витька уже бренчал ведром и удочкой из бамбука – завистью парней и угланов на всем Висиме.

– Сейчас, тока червей копану, – Егор мигом скатился в сад, копнул лопатой чернозем у нужника, хапанул в горсть клубок вывалившихся из жирной земли червей и сиганул в калитку, успев прихватить из сеней ивовую удочку. Вскоре они вдвоем уже бежали по улице вниз к пруду.

– Как братан? Как служит? – Витька забросил удочку и мигом вытащил на берег окунька.

Брат у Егора был гордостью семьи. Он был старше Егора на два года и закончил десять классов. Сам Егор едва дотянул семилетку. После школы брат Вася упорно готовился поступать в институт и уже сдал все документы, и его вроде принимали даже, но пришла повестка, и Вася ушел служить в армию на целых три года. В последнем письме он сообщал, что ему присвоили звание младшего сержанта и их часть перевели в новые земли, освобожденные от тирании панов, в Польшу, под Белосток. Отец, читая это письмо, усмехнулся – в империалистическую он в тех краях повоевал.

– Вася хорошо служит, вона в комсомол его приняли уж, – Егор вздохнул. Его в комсомол не принимали. На Висиме про отца шла дурная слава, и в девятнадцатом году, когда красные вновь заняли Пермь и выбили колчаковцев под Свердловск, его даже арестовали за помощь колчаковским войскам – батя работал машинистом на мотовилихинском заводе и «возил Колчака» – но отпустили по прошению красных железнодорожников. Так что ни пионером, ни комсомольцем Егор не был. А очень хотел.

День разгорался, и куча серебристых рыбешек уже палькалась в приготовленной для них, вырытой в песке луже. Вверху, на пруду, слышался звонкий девичий смех – верно, девчонки подошли купаться.

– Вить, давай пару морд на пескарей поставим у Красной площади, да на пруд, искупаемся? Ты как? – Егору наскучило таскать полтушек. Может там Тоня пришла на берег среди девчонок? Хоть глазком взглянуть. А вдруг поговорить удастся, поболтать, покупаться вместе? Егор блаженно закрыл глаза, воспроизводя эту пасторальную картину.

Тоню он вожделел и боялся. Потому что Тоня была комсоргом класса, Тоня еще в пионерах ездила в Артек, что было просто уму непостижимо, и простому человеку недостижимо, и Тоня была самой красивой девушкой школы. И самой умной. А в этом году она закончила девять классов, и после окончания школы хотела стать врачом. И даже посещала для этого курсы медсестер при ОСОВИАХИМе. На ее груди – ох уж эта грудь – красовались «Готов к ПВХО» и «ГТО» 2 ступени, и эти значки были предметом зависти всех мальчишек ее класса и не давали покоя и Егору.

В Тоню он влюбился еще пару лет назад, в седьмом классе, когда кое-как пытался получить аттестат об окончании. Их парты были рядом, Егор сидел прямо за Тоней, у окна, и всегда в окно видел отраженный в стекле профиль. И затылок с уложенными и крепко затянутыми в косу волосами светло-русого оттенка. И всегда выглаженное платье, в коричневую клетку с белоснежным отложным воротничком и ложбинкой у среза воротничка со светлыми тонкими волосиками. Ах, какие чудесные были времена, он видел Тоню каждый день, мешали наслаждению и мечтам только настырные и надоедливые учителя. Особенно немка. Ну не понимал Егор иностранного этого тарабарского языка! Сплющенное гоготание. Кое-как «уд» получил.

На пруду собрались, казалось, все девчонки Висима. Конечно, Тоня тоже была там, смеялась, показывая что-то другим девочкам. Егор засмутился, но, не подав виду, двинул в их сторону.

– Егорка, привет! Айда купаться! – маленькая и коротконогая Катька быстро ухватила его за рубаху и потянула в воду. Егор быстро скинул рубаху и, поигрывая мышцами, – а они присутствовали – маханул с мостков в воду головой вперед. Ах, какая прелесть! И не только вода – он краем глаза видел, как посмотрела на него Тоня. Посмотрела! Егор вынырнул, подплыл, кувыркаясь в воде, к мосткам и неспешно вылез на берег. Девчонки зазывали его к себе, играли в «кродила». Егор пошел в команду к Тоне, естественно. Играли до полудня. Егор тихонько подсел рядом, смотря в пол-уха на очередную актрису, пытающуюся изобразить броненосец Потемкин, наклонился к Тониному уху.

– Пошли в кино сегодня? В Горне будут «Семеро смелых». Смотрела?

– Нет еще, но я вряд ли смогу, у меня вечером комсомольский актив, готовимся к выпускному, для выпускников делаем сценку о революции. Я там главную роль играю. Приходи посмотреть, кстати. – Тоня откинула прядь волос со лба и улыбнулась. Егор задохнулся от счастья.

– Конечно, приду. В школе будете?

– Да, в Красном уголке, приходи, – Тоня дотронулась до руки Егора, его аж в жар бросило...

«Нет, этот выходной точно счастливый», – подумал Егор.

2.

Петр Васильич возвращался с воскресной литургии с женой уже во втором часу, сначала они поспели только на позднюю службу, а потом жена просила в Пермь сходить, отдать в починку туфли. Пока добрались до мастерской на улице Карла Маркса, бывшей Сибирской, пока ждали трамвая, пока расталкивали скопище их на мосту на Городских Горках – вот уже

и время обеда подошло. Куда Егорка запропастился? Петр Васильич в церкви поставил свечки за упокой родителей, за здоровье сына своего старшего, Василия, что ушел весной в армию, на службу. Еще свечку он поставил одну, тайную... за свое спасение. Только молитвами и жив он и теперь истово верует. А началось с того генерала все.

Когда его тринадцатый армейский корпус, в который он попал по призыву в четырнадцатом году, был разгромлен под Алленштайном, в самую круговерт пушечной канонады, сидя в леске в наспех вырытых окопах, он, дрожа, держал свой нательный крестик, вжимался в землю и боялся смерти. Вон, дружок его, Гришка, со Смоленской губернии не боялся, стрелял из трехлинейки да матюгами крыл кайзера. Полбашки ему снесло, и упало то, что от Гришки осталось, под ноги трясущемуся на дне окопа Петру. А в ночь, выбираясь по перелескам к своим, наткнулся он неожиданно на генерала, старого, с бородищей и бакенбардами, который одиноко сидел на пенке на маленькой полянке. Петр Васильич тогда даже напугался, винтовку наперевес, думал – германец, а генерал повернул к нему голову и заговорил по-русски:

– Откуда ты, солдат?

– Так с полка вон, – ответствовал Петр. Потом прибавил смущенно:

– Ваш высокопревосходительство...

– Да какой «высоко». Высоко, солдат, только Господь. Остался еще кто от твоего полка?

– Вроде да, вона побрели по леску, я с ними шел. Только немного уж, германец порубал пушками днем.

– Ну, иди, солдат. Иди, а я помолюсь за вас, мне уже ничего не осталось боле.

– Так как же так, вашвысокобродь, пойдемте с нами. Убьют же германцы...

– Не могу я, солдат. Немошен и виноват. Сердце болит, солдат. Иди, может, дойдете, и молись, Господу нашему Иисусу Христу молись, Богородице и Святому духу. Молись за себя, чтоб помогли они тебе выжить. Истово молись, и я тоже буду, это все, солдат, что я могу для тебя сделать. Бог спасет, он справедливый, а я дурак старый. Прости меня, солдат.

Генерал прикрыл глаза и махнул рукой, мол, ступай.

Молитвами и выжил тогда, наутро нагнала остатки их полка германская кавалерия, чуть не зарубили, а он молился, «отче наш» не переставал читать и просил Господа оставить его в живых, и случилось чудо – германский офицер уж саблю занес, да не ударил, отвела рука Бога его клинок от раба божьего Петра. Потом по трупам полз, в кровище чужой с молитвой на устах. Вышел к своим, медальку получил. Полкорпуса не вернулось, полкорпуса в госпиталях без рук, без ног, а он целехонек...

Как демобилизовался в смутные времена, в семнадцатом, да вернулся в Мотовилиху, так на завод сразу, в машинисты. Помолился в церкви – и машинист. Опять Господь помог. Зарплата достойная, работа нетяжелая, все не по цехам горячим кожу дубить да глаза прожигать. Вскоре, правда, с продовольствием начались проблемы, в Совдепах распорядились по сто граммов хлеба выдавать на день, но в восемнадцатом пришли колчаковцы, продовольствие привезли, все паровозы под ружье, даже его маневровую «Ерку», естественно, вместе с ним. Кто не согласился, из большевиков, расстреляли тут же, Петр Васильич же к большевикам отношение имел нейтральное, и поехал развозить продовольствие, что красные кинули при отступлении на Перми Второй по расквартированным частям Армии. Жить-то хотелось, да и паек Колчак выдавал исправно.

А в девятнадцатом все перевернулось... Вот и молился тогда Петр Васильич истово, отбивал поклоны, пока не пришли за ним комиссары, не приставили холодный ствол нагана к затылку. Постреляли тогда половину депо – ту, что колчаковцы не расстреляли. Завод-то и подавно встал – кто ж работать будет, когда такая заваруха идет. Петр уже и не ждал пощады, вон, царя кокнули со всей семьей и свитой, а он-то уж точно червь смердящий. Но вновь свершилось чудо, к лету девятнадцатого завод вновь заработал, и его, как почти единственного непризанного в Красную Армию машиниста, вновь забрали на завод – пушки были нужны

любой власти. Так сказать, амнистировали по необходимости. И стал тогда Петр Васильич глубоко верующим православным христианином и никогда не позволял себе пропустить службу какую. Вскорости, конечно, особенно в начале тридцатых, сложно стало, но он тихонько, скрываясь, все равно ходил в храмы, которых становилось все меньше и меньше. И жену себе нашел такую же, набожную. Но про свое сокровенное, про то, что обласкан рукой Господа, о том, что спасся уж не раз, даже жене не говорил.

Детей же обратить в веру не сумел, не то время настало. Сыновья в церковь не ходили и отца тихо осуждали, а старший, Василий, даже открыто ему это говорил. Петр Васильич только вздыхал и крестился.

Дом Петр Васильич получил от жены, тихой женщины из мещан, отец которой, будучи приказчиком в заводской конторе, в девяносто восьмом году справил семье пятистенку на новой улице Висима, до помер от чахотки еще до свадьбы дочери. Туда молодожены и въехали сразу после пьяной и шумной свадьбы, там и жили до сих пор. Дом был еще крепкий, с крытым двором, в котором уже давно никто не держал скотину – в смутные времена ее кормить было нечем, а сейчас ничего, кроме собаки, держать пролетарию не положено. Позади дома был сад с яблонями, они отцвели, и в листве зеленели завязи. Забор на задворках покоился, и Петр Васильич давно хотел его поднять, уж и доски заготовил, ждал момента.

– Куда ж Егор запропастился? Ведь говорил ему, забор поднять надо.

– Да мы сами-то что-то подзадержались, Петенька, чего парню в дому сидеть, гулять с друзьями пошел, может, с девушкой – супруга слабо улыбнулась Петру Васильичу.

– С девушкой, гулять... Так и нагуляет тебе кого-нить, мать. Как гулять – так на раз, а как по хозяйству помочь, так нет его, – в сердцах Петр Васильич плюнул, перекрестил рот, взял топор и направился вглубь сада.

Вена, год 1897 от Рождества Христова

Неспокойно было в Империи в конце века... Части великой австро-венгерской империи, наследницы Римской, расходились, как куски айсберга в теплом море. Прямые наследники императора по мужской линии перешли в мир иной, а любимая венграми императрица Елизавета редко появлялась в пределах своих владений.

Полковник Гюнтер Зоммер шел по коридорам нового Хофбурга, еще не обставленным, с минимальным количеством мебели. Кругом чувствовался хаос, присущий стройке, которой нет ни конца, ни края и на которую прибывает ревизор. Строители из Венгрии бегали с какой-то утварью, гремели ведрами и мастерками, на площади перед новым замком фельдфебели разгоняли повозки с мусором и строительными материалами. Император прибывал из Шенн-брунна на обед в старую резиденцию. С возможностью осмотра нового дворца.

Размахивая листами чертежей, на полковника наткнулся архитектор императора Фердинанд Киршнер.

– О, герр оберст! Приветствую вас. Стало быть, и вы тут. Неужели императрица посетит наш новый римский форум? Она выбралась из Будапешта? – архитектор был весьма осведомлен.

– Да, герр Киршнер, все прибыли вчера, императрица пока отдыхает в старых покоях.

– Где нынче летом отдыхали? К сожалению, я был так занят работой, что не мог следить за перемещениями ее Величества, тем более что перемещения всегда довольно туманны... – Киршнер кашлянул в кулак. Зима в Вене была в этом году прохладной, с Альп тянуло в долину адским холодом.

– Дорогой Фердинанд, я думаю, в приватной беседе императрица ответит на ваш вопрос сама, если того пожелает, а я, как офицер охраны его и ее Величества, к сожалению, должен промолчать. Честь имею! – полковник отсалютовал архитектору нового Дворца и пошел

дальше по коридору. Смена караула была уже близка, а Елизавета последнее время была очень беспокойна...

Кроме того, полковник и сам не мог ведать о перемещениях ее Величества вне Империи, так как она давно уже отказалась от охраны, и лейб-гвардия ставила свои посты только, когда Елизавета прибывала в Австрию или Венгрию.

Полковник остановился у покоев императрицы. В зале у будуара устанавливали рождественскую елку. Дворцовая стража, отсалютовав, приоткрыла двери в покои:

– Господин полковник, ее Величество ждет Вас.

Гюнтер Зоммер вошел в скромные, малопосещаемые комнаты. Там и не чувствовалось следов праздника. Фрейлины уже ушли, а на кушетке в задумчивости сидела в темном платье поседевшая женщина, женщина его мечты, императрица последнего осколка римской империи, Сисси, как ее звали близкие и, за глаза, влюбленные подданные.

Возраст не смог скрыть её красоту, и даже в 60 лет она была прекрасна, как тогда в Будапеште 30 лет назад.

Молодой лейтенант лейб-гвардии, Гюнтер Зоммер тогда был назначен в конвой его Величества и откомандирован в Венгрию, где Франц Иосиф и Елизавета короновались на престол. После события император, гонимый делами и своей матерью, покинул Венгрию и отправился в Вену, а Елизавета осталась. Скусающая тридцатилетняя императрица подолгу гуляла в садах подаренного ей замка Гёдёллэ, читая романы и планируя свои путешествия по Старому Свету. Молодой лейтенант по долгу службы часто сопровождал ее в прогулках по саду. Гюнтер был без ума от Елизаветы. Он гнал от себя это порочное чувство вожделения, но ничего не смог поделить с собой, а Елизавета неожиданно благосклонно отнеслась к терзаниям, смятению и чувствам молодого человека.

Это было божественное время – он тайно проводил в покоях императрицы ночи напролет, подменяя дежуривших офицеров всеми правдами и неправдами. К счастью, замок в то время был пуст, и эту порочную связь им удалось тщательно скрывать. После Гюнтера отослали в Вену, а через год у Елизаветы родилась дочь. В единственном письме, тайном вестнике любви, что императрица написала Гюнтеру сразу после рождения младшей дочери, она открылась ему, кто отец девочки. Да, Мария Валерия, эрцгерцогиня Австрийская, любимица императрицы, была его дочерью, его, Гюнтера Зоммера. Дочерью, на которую у него не было даже права свидания. Гюнтер рвался к ним, он хоть и понимал, что это невозможно, но страстно желал видеть свою малышку и Елизавету. Вскоре императрица пустилась путешествовать по Европе, в Австрии бывала редко, и Гюнтер потерял с ней всякую связь. Дальнейшие страшные события в императорской семье совсем отдалили их друг от друга, и, возможно, помня о той своей ничем не оправданной слабости, Елизавета отдала тайное распоряжение не включать Зоммера в состав стражи, сопровождавшей ее в скитаниях. В императорской же гвардии он дослужился до полковника и уже был готов выйти в отставку. Так что приглашение императрицы посетить ее перед Рождеством он воспринял с удивлением и беспокойством.

Полковник остановился у двери и кашлянул. Елизавета подняла глаза.

– Гюнтер... Я... я... мне некому это сказать, кроме вас... Мы не общались уже двадцать лет... Но вы же понимаете... – Императрица украдкой оглянулась на двери будуара – они были плотно прикрыты.

– Да, Ваше величество, я все понимаю. Я счастлив служить короне, и для меня нет другого призвания и высшей милости, чем быть офицером лейб-гвардии его Величества. Мне больше ничего не надо...

Голос полковника дрогнул. Елизавета чуть улыбнулась.

– Милый Гюнтер. Мы с вами уже немолоды для проявления каких-либо чувств, кроме любви к Господу нашему... Пойдемте со мной.

Елизавета встала и с величественной осанкой подошла к полковнику, беря его под локоть. Гюнтер Зоммер в нерешительности шагнул, ведомый ее рукой к двери в будуар. Императрица приоткрыла дверь и указала на что-то, стоящее у туалетного столика и покрытое пледом.

– Там то, что погубило моего сына, Гюнтер...

Полковник Зоммер насторожился. Положил руку на эфес сабли. Елизавета улыбнулась.

– Это не представляет физической угрозы, Гюнтер. Эта вещь несколько другого плана. Сядьте, – она присела на край дивана и потянула его к себе.

– Лет девятнадцать назад, пока все еще было прекрасно в моей жизни, кроме козней матушки Франца Иосифа, что не давала мне воспитывать моих собственных детей, мой сын Рудольф нашел в подвалах одного из монастырей в окрестности Вены старый сундук. Он был увлеченный молодой человек, вы помните его, Гюнтер?

Полковник кивнул, Елизавета продолжала:

– Он увлекался историей, любил покопаться в старых подвалах, его даже приглашали в археологические экспедиции. Этой свое любознательностью он поразил моего брата Людвига, короля Баварии, ныне также ушедшего в мир иной. Они вместе с ним изучили содержимое сундучка, и после этого их как подменили. Они стали неразговорчивы, нелюдимы, подолгу сидели в одиночестве. Раньше я долго гостила у брата в замках, а потом он перестал приглашать меня, затем эта нелепая его смерть на озере. Самоубийство. Когда я похоронила Рудольфа, а вы помните, как офицер лейб-гвардии, что он тоже свел счеты с жизнью, причем еще убил эту бедную баронессу... – Императрица промокнула глаза платком.

– Итак, в замке Майерлинг я обнаружила сундук. Тот, что стоит здесь, под пледом. Я открыла его и посмотрела... Лучше бы я его не открывала, Гюнтер.

Восточная Пруссия, год 1914 от Рождества Христова

Вальтер Зоммер передал денщику коня и вошел в офицерский клуб, что образовался в одном из домов местного помещика. Все мирное население спешно и аккуратно было эвакуировано к побережью, и дома по большей части стояли пустые, но с обстановкой. Командование обещало скорое возвращение всем немецким гражданам обратно домой.

В клубе собрались офицеры разных полков, и его кавалерийского первой дивизии. Кавалеристов пока держали в резерве, и офицеры жадно слушали запыленных пехотных офицеров, выведенных на отдых с фронта.

– Вальтер, мой бог, вот и ты, – Франц, молодой оберлейтенант пехоты, вчера снятый с передовой, радостно приветствовал своего закадычного партнера по карточным играм.

– Добрый день, Франц, ... как там, в окопах?

– Меняем позиции каждый день. Русские казаки не дают нам закрепиться, артиллеристы еще только окапываются, а уже надо сниматься. Так скоро и Алленштайн сдадим. Выпьешь?

– Охотно. Когда же нас введут в бой?

– Прозт! Вы – быстрые молнии с саблями – вам наступать, а когда наступать – одному богу известно да нашему начальнику штаба герру Людендорфу.

Вальтер одним глотком выпил хороший яблочный шнапс. Неплохо, такой же делают и у них, во Франкфурте. Во Франкфурте остался дом, милый маленький дом в новом районе Саксенхаузена. Правда, с первого года службы Вальтер редко бывал в нем. Красавица Марта, молодая жена, была там полноправной хозяйкой. А сейчас еще ползал по полу маленький Альфред. Перед войной Вальтер провел дома замечательный отпуск, подолгу играя с сыном и гуляя в лесах у города. Пикники, косули, солнышко, желуди, прекрасное яблочное вино. К чему эта война? Австрия... Австрия была его родиной. Отец похоронен в Зальцбурге, там, где он родился. На могиле отца Вальтер не был уже десять лет.

Именно отец был инициатором переезда его, Вальтера, в Германию. Именно он настоял на постройке дома во Франкфурте и поспособствовал службе в армии. Прошло тринадцать лет. Служба угнетала Вальтера, но против воли отца он пойти не мог. Тем более, что в Австрии он получил блестящее военное образование, и, кроме армейской службы, по сути, более занятий не знал.

При строительстве дома отец, который и ссудил почти все сбережения, нажитые за тридцать лет службы Францу Иосифу, часто присутствовал и даже руководил рабочими, в то время, как Вальтер отрабатывал туше в фехтовальном зале кадетского корпуса.

Жить в Германии отец не остался, уехал к себе в родовой дом в Зальцбурге, где и тихо скончался вскоре. Правда, в письмах он требовал Вальтера к себе, писал о каком-то завещании, но Вальтер, занятый делами службы, не смог вовремя приехать и увидел отца уже в кирхе в гробу. Конечно, горечь утраты и раскаяние не раз посещали его, тем более что мать он совсем не помнил – она умерла еще при родах, но молодость давала о себе знать, и он быстро приходил в себя после раздумий об ушедшем отце. Завещания никто не оставил, нотариус Зальцбурга сообщил, что герр Зоммер никогда не был у него. Только старый денщик отца, Хайне, молча передал ему саблю. Сабля была наградная, императорская.

– Герр Гюнтер хотел, чтобы ты всегда носил ее с собой, – только и произнес старый фельд-фебель.

С того времени Вальтер всегда носил ее на боку. Поначалу неуставное оружие было поводом для наказаний, но потом, с получением очередных званий, командование уже мало обращало внимание на это несоответствие форме.

В пору юности, когда мучительная влюбленность в очередную девушку навлекала на Вальтера поэтическое настроение, он писал стихи. Стихи получались чрезмерно высокопарные, он стеснялся и сжигал рукописи тайно в камине зала кадетского корпуса. Тогда же он увлекся философией. Скучными вечерами он доставала из библиотеки отца старые фолианты и читал сентенции Канта и Ницше. Пытаясь искать смысл своего существования, путал юношескую влюбленность и вопросы бытия. В итоге, так и не придя к разумным выводам, все-таки исключил Ницше из своих философских идей. Идею отсутствия Бога и торжество Сверхчеловека он не одобрил. Правда, по поводу христианства в чем-то был согласен с Ницше. Отец никогда не был набожным человеком, и Вальтер тоже сомневался в новозаветных сказаниях. Но сейчас, ощущая тяжесть отцовской сабли, осязая серебряного императорского орла на накладке ножен, он все чаще задумывался над вопросом души, все чаще он мысленно обращался к отцу, с которым не успел договорить при земном его существовании.

В прусской армии ему было не до романов. От унтера до лейтенанта путь службы был тяжел и утомителен. Только получив офицерское звание, он смог уехать домой, уже во Франкфурт, в дом, построенный его отцом.

К четырнадцатому году Вальтер носил на плечах погоны ротмистра и имел под началом эскадрон. Звание это позволяло уже не тратить сбережения отца и встать на полное армейское довольствие. Так он и встретил начало войны, находясь в Восточной Пруссии. Начало, которое было не очень воодушевляющим. Русские здесь наступали.

В залу ворвался штаб-офицер.

– Господа, командующий требует всем вернуться в части. Русские взяли Алленштайн. Офицеры вскочили со стульев и кресел. Зазвенели шпоры и опрокинутые бутылки.

Вальтер грохнул стаканом о рояль и, путаясь в сабле, быстрым шагом направился к лошади. Денщик уже держал ее под уздцы.

– В полк, – крикнул Вальтер, и они помчались в расположение.

Три дня его эскадрон рыскал по флангам русских войск, пытаясь нащупать слабое место. Слабого места не было. Увидев немецкую кавалерию, русские тут же выпускали так называемых «казаков», и те, с пиками наперевес, с ужасным гиканьем, без всякого сомнения и страха

неслись на прусских драгун. Кавалерия ретировалась до своих окопов, где русских встречали ружейными залпами.

Вечерами этих долгих дней ожиданий и потерь Вальтер думал о долге. Долг его, как солдата, – защищать Родину. Долг его, как человека, – следовать нормам морали. Если бы он верил в Иисуса, то дилемма была бы разрешена просто – нормы морали установлены Христом в Нагорной проповеди, да что там Христом – Моисеем с его скрижалями и десятью заповедями на них.

«Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего», «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб»

Христианство много разрешало ради царей земных.

На войне многие отрицали само существование любой морали. На войне можно было все. Но Вальтер не мог согласиться с этим, и он мучительно придумывал оправдание своим действиям. Он вынужден убивать. Он не умеет ничего делать, кроме как убивать. Значит, он может убивать. Он идет к высшему через самосовершенствование. А война – это испытание... в итоге, Вальтер вновь возвращался к Ницше. Мозг перенапрягался, наступала бессонница, и тогда он шел в палатку к лейтенантам и пил хорошее мозельское из запасов одного из них. Это его усыпляло.

Вскоре все изменилось. Дивизии Вальтера приказали атаковать неприятеля. Удар кавалерии с фланга заставил русских отступить, драгуны продвигались без какого-либо сопротивления. Наконец русские допустили ошибку. Целых два их армейских корпуса слишком увлеклись наступлением и оторвались от основных частей. Герр Людендорф не стал ждать, последовало окружение.

В леске у Мазурских болот эскадрон пережидал артиллерийскую стрельбу по оставшимся и окопавшимся русским частям. При каждом выстреле кони прядали ушами и переступали с копыта на копыто. Драгуны успокаивали лошадок, похлопывая их по спинам. Оберлейтенант Пфайль стоял рядом с Вальтером и нервно тряс эфес сабли.

– Ну, когда...

– Не нервничайте, Генрих, рядовые видят боязнь командиров и тоже начинают бояться.

– Я не боюсь, командир. Просто уже бы в атаку, поскорее.

– Хотите геройски умереть?

– Если надо, я умру.

– Вы верите в бога?

– Конечно.

– Ну, тогда вы не должны бояться. Правда. Ведь есть рай, а все воины попадают в рай, не так ли?

– Да, я верю в это.

– Тогда внимание... канонада закончилась? Это значит, пора выдвигаться. Господа! Рысью, повзводно, вперед! – Вальтер вытащил из кобуры пистолет. Эскадрон тронулся из леска к русским окопам. Оберлейтенант Пфайль с обнаженной саблей впереди своего взвода уже домчался до первых, взрыхленных снарядами, траншей.

В траншеях были только трупы. Где-то в земле шевелились еще не умершие, но уже и не живые люди. Ключки ткани, ноги, руки, головы, оторванные от тел, сочились несвернувшейся свежей кровью. Траншеи потеряли свою форму и казались просто длинной незакопанной могилой с биологическими остатками.

«Интересно, а эти русские тоже попали в рай?» – подумал Вальтер, осматривая трупы.

Раздались выстрелы со стороны леса. Серые пятнышки шинелей, огрызаясь вспышками, бежали с дальней траншеи к лесу. Драгуны перешли в галоп и понеслись к отступающим. Сабли сверкали на солнышке, и серые шинели окрашивались бурым неярким цветом. Вальтер скакал с взведенным пистолетом позади эскадрона. Последнего русского зарубили на опушке леска

за траншеями. Вальтер приказал прочесать лесок и въехал под своды рощи. Деревья были молодыми и нечастыми, в центре леска на полянке стоял спешившийся Пфайль. У его ног лежал труп. С генеральскими погонами и пурпурным крестом на шее и белым на груди.

– Русский генерал, герр ротмистр. Мертв. Что делать с ним?

– Оставь полувзвод, снимите кресты и опознавательные знаки и похороните с воинскими почестями. Мы будем ждать вас у опушки в пяти милях по направлению наступления.

– Есть, герр ротмистр!

«Генерал... у русских минимум командир корпуса. Весь его корпус лежит в прусской земле. А он тоже в раю? Или куда его отправит апостол Петр? И есть апостол там?» – Вальтер рысью пошел на просвет рощи, видневшийся впереди. Эскадрон развернутым строем следовал позади.

Выскочив на опушку леса, Вальтер вновь увидел русских. Сегодня, в основном, они были мертвыми – артиллерия прекрасно знала свою работу. Русские же пушки давно молчали. Неожиданно один из трупов приподнялся на коленях. Русский солдат был жив, Вальтер от неожиданности рванул отцовскую саблю из ножен. Драгуны вскинули карабины. Русский был грязен, залит кровью, но, по-видимому, невредим. Сквозь прорехи в гимнастерке белело нательное белье. Винтовка лежала рядом с разбитым прикладом и примкнутым штыком. Русский стоял на коленях с закрытыми глазами, и потрескавшиеся губы шевелились в беззвучной речи. Он открыл глаза, взглянул на кавалеристов, ощерившихся стволами, уронил голову и продолжил шептать что-то свое.

– Герр ротмистр, кончить его? – унтер-офицер передернул затвор карабина.

– Стой, не надо... пусть живет, если выживет. До границы несколько километров. Вряд ли он доползет до своих.

В стороне раздались выстрелы и крики.

Вальтер приказал эскадрону выдвигаться туда. Там могут еще остаться части русского корпуса.

Эскадрон рысью двинулся в сторону перестрелки, а русский солдат остался стоять на коленях. Вальтер оглянулся, мельком взглянув на грязную уменьшающуюся неподвижную фигурку. Этот точно в рай.

Русский молился.

Пермь, год 1977 от Рождества Христова

В детсаду Вовка играл в две командные игры. Одна игра его увлекала, называлась «войнушка». Правда, приходилось иногда страдать. В войнушке были две разновидности: первая – это русские против немцев. Немцами никто быть не хотел. Потому что немцы, во-первых, всегда проигрывали, во-вторых, они все должны были умереть, понарошку, конечно, но все равно было скучновато и не было азарта. Иногда, правда, немцы были выдуманы, и все играли за советских солдат, но тогда всем быстро надоедало. Подружка Светка, хотя всегда играла роль медсестры, вытаскивающей раненых с поля боя, но часто сопротивлялась, требовала роль танкиста или, хотя бы политрука с пистолетом, но мальчиковский шовинизм не мог позволить девочке эти роли.

Вторая разновидность игры в войнушку – это красные против белых. В эту игралось не так азартно, потому что данный военный конфликт был далеко во времени. Пацаны знали о ходе боевых действий только из песен про Щорса, Ворошилова и сотню юных бойцов, где шел отряд по берегу, командир был раненый, комсомольское сердце пробито, где были штурмовые ночи каких-то неизвестных Спасска и Волочаевска, и Ворошилов, как первый красный офицер, скакал на коне. Кроме того, проблемы были в осуществлении – коней на палочках было мало,

пашек тоже – все вицы на площадке выламывали еще весной, и строчить можно было только из пулемета, а он, пластмассовый «Максим», был только один на три группы.

Правда, еще был красивый фильм про Чапаева, но Чапай там умирал, и это было неправильно. В фильмах про Великую Отечественную умирали только фашисты.

Вторая командная игра, особенно поощряемая воспитательницами, была в дочки-матери. Вовке всегда доставалась роль отца. Игра заключалась в обустройстве дома на уличной площадке где-нибудь в кустах и выкармливанием ребенка, любовно убаюкиваемого «мамой». Вовка подспудно понимал, что тут должно быть еще что-то интересное, в этой семейной жизни, но что – не догадывался и вскоре менял статус папы на раненого, но не сдававшегося бойца.

У каждого бойца должно было быть оружие. В садике оружия не было. Неизвестно кто составлял список игрушек, но в нем было немного: кубики всех размеров, погрызенные еще младшегруппниками при царе Горохе, куклы с глазами, но без некоторых частей тела, в основном, полураздетые, бубны и дудки из пластмассы, подержанные автомашины марки «ЗИЛ» и большой пластмассовый танк с отломанной пушкой. Танк задействовали в песочнице, как бульдозер. Чудом в красном углу группы появился и жил пулемет «максим». Он разбирался, у него снимался щиток, отделялся ствол от лафета с колесами, но его берегли и выдавали раз в неделю по очереди двум старшим и одной подготовительной группе. Пулемет был вождением всех парней. Остальное приходилось приносить из дому.

Дед Вовку оружием не баловал. Точнее, он никогда его ему не дарил. Все вооружение Вовки доставалось от мамы, когда ее удавалось завести в «Детский мир», и от дяди, который был военным и служил у черта на куличках. Дядя приезжал в гости только раз в год, привозя вооруженное оружие малых форм.

Маму удавалось раскрутить на большее. Как-то раз, в прекрасном расположении духа, после очередного ночного дежурства в больнице мама привела Вовку в игрушечный магазин и купила ему настоящий ручной пулемет с диском. Диск крутился, пулемет тарахтел, лампочка в стволе мигала, сошки складывались и раскладывались – просто шедевр оружейников индустрии игрушек Советского Союза. Еще Вовке достался на день рождения космический автомат от папы. Папу он не помнил, но, придя в старую квартиру с мамой как-то раз, обнаружил там майку и трусы с паровозиками и автомат. Майке и трусам он был не очень рад, в отличие от мамы – в садике высшим шиком считалось носить черные трусы без майки – а вот автомат был хорош.

Весь свой арсенал Вовка раскладывал дома, но только когда не было деда, тот недовольно ворчал и требовал чистоты, заставляя Вовку убирать разбросанные игрушки в кладовку в комнату его и бабушки. Так что скоро арсенал по частям был перетащен в садик, где хранился у Вовки в шкафчике с петушком на дверке.

Конечно, все это было неспроста. Вовка мечтал быть космонавтом. Или летчиком. Или танкистом, на худой конец. Главное – военным, в красивой форме с погонами и портупеей. И защищать Родину от врагов, которых было великое множество. Как деда.

Франкфурт, год 1897 от Рождества Христова

Отставной полковник австрийской лейб-гвардии Зоммер ехал в вагоне из Вены во Франкфурт. Стук колес убаюкивал его, и он то и дело клевал носом. Сны полковника были короткие и тревожные. Снился то сын, Вальтер, несущий ему копье Лонгина, то жена, зовущая его к себе на небеса, но чаще Сисси, Елизавета Австрийская, отдающая ему то, что лежало в багаже полковника сейчас.

Зоммер просыпался и ощупывал сверток, стоящий рядом. Сверток был цел. Из бархата свертка высверкивала золотая рукоять имперской сабли с вензелем дома Габсбургов на накладке. Полковник успокоено прижимал ее к ноге, и дрема вновь овладевала им.

Много артефактов скопилось в Хофбурге к началу двадцатого века. Одно копье Лонгина чего стоило. Остатки святого воинства Христова, поверженные арабами в схватках за гроб Господень, изгнанные из Святой земли со своих наделов оседали по всему пути из Азии в Европу. Австрия была посередине сухопутного пути. Кипр не мог принять всех, и рыцари оседали у плодородных земель в предгорьях Альп. А Филипп Красивый еще более усугубил положение рыцарей Храма, и те, кто вернулся на родину во Францию, вынуждены были бежать и вновь находили временный приют на земле, отделенной высокими горами от преследовавшей их церкви и короля Франции.

Никто не мог войти в сокровищницу Габсбургов, кроме членов семьи и, соответственно, никто точно не знал, что хранится там. То, что собиралось веками, то, что шло в уплату поселения тамплиеров осколку Священной римской империи, лежало грудой ненужного хлама в подвалах дворца.

Рассказ Елизаветы тогда, морозным декабрьским днем 1897 года, Гюнтер помнил в подробностях.

Рудольф, старший сын Елизаветы, наследник престола был умным образованным молодым человеком. Больше был склонен к естественным наукам и истории, но по настоянию отца был вынужден забыть мысли об университете и получить военную карьеру, как подобает Габсбургам. Военный из него не получился, и даже после свадьбы Руди занимался только блистательной карьерой соблазнителя женщин, которые толпами встречались при дворе и кидались на завидного и знатного офицера с регулярной настойчивостью. Елизавета была допущена к сыну только уже в зрелом его возрасте, и иногда ей удавалось поговорить с ним о жизни и провести время, выясняя и поддерживая наклонности сына к истории.

Часто Рудольф пропадал в подвалах Хофбурга, роясь в наследии Габсбургов, перебирая книги и вещи, доставшиеся короне с незапамятных времен и неизвестными путями. Иногда он показывал находки, иногда его поиски оставались тайной для всех. Франц Иосиф был занят политикой и никогда не спускался в хранилища древних вещей.

Рудольф и нашел, то, что вез Зоммер в багаже во Франкфурт...

То, что передала ему императрица со словами: «Гюнтер, мне больше никому доверять в этом мире, кроме Вас и Бога. Это должно быть спрятано. И ради всего святого, милый Гюнтер, ни в коем случае не любопытствуйте, что лежит внутри. Людвиг и Рудольф поплатились за это. Моя участь, скорее всего, тоже предreshена».

«Ваше Величество, я готов сопровождать Вас всегда лично с моими гвардейцами. Что беспокоит Вас? Чего Вы опасаетесь? Я готов защищать Вас от любых врагов и клянусь, что буду это делать, пока не умру!». Зоммер тогда не на шутку встревожился. Но Елизавета лишь покачала головой.

«Нет, Гюнтер. Боюсь, что я проживу чуть дольше, если уеду из Империи инкогнито и без охраны. Вы выполните мою просьбу. Я хочу, чтобы Вы подали в отставку и исчезли из Австрии. Езжайте куда-нибудь в Баварию, Гессен, в тихий и спокойный городок. Постройте там дом и надежно спрячьте это. Может, придет время открыть людям ящик Пандоры, но я думаю, что сейчас точно не надо этого делать. Да, и вот вам еще сабля. Это от меня, берегите ее, не только потому, что я ее вам вручила, а еще и потому, что она – ключ...»

Поезд подошел к центральному вокзалу Франкфурта уже к вечеру. Полковник вышел на перрон, поймал ландо, грузчики вокзала подвезли упакованный багаж.

– Новый Саксенхаузен, пожалуйста.

Извозчик тронул коней, и повозка тихо зашуршала пневматическими шинами по мостовой в сторону Майна.

Новый Саксенхаузен был уже застроен вилами не бедных горожан. Район был спокойный, даже тихий, редко ходили трамваи, новые дома росли, как кусты в городском лесу рядом. Ландо остановилось у дома недалеко от Майна. Дом уже был достроен, черепичная крыша

блестела от дождя. Рабочие вышли на улицу. Зоммер знаком указал на багаж. Рабочие сняли сундук с задка ландо и затащили в дом. Зоммер вошел вслед за ними.

Дом был пуст. Пахло свежим деревом – лесенка наверх была только установлена, двери еще не крашены.

– В подвал, пожалуйста, – рабочие торопливо потащили сундук в подвал.

– Оставьте. И идите по домам. Я осмотрю работу. Придете в понедельник. Я дам указания. – Гюнтер выгреб из кармана горсть марок, – Вот, спасибо, выпейте в выходной.

Рабочие поклонились и вышли. Зоммер осмотрел подвал. Крепкие стены, земляной утрамбованный пол. «Пол надо сделать каменным», – подумал полковник. Взяв из угла заступ, он, отмерив от одной из стен пару шагов, начал копать.

Через пару часов, вспотев и скинув сюртук, Зоммер подтащил сундук к яме. Сундук был старинный, темного мореного дерева с отверстиями внутренних замков. Тяжело стукнув, он упал в яму. Зоммер поправил его, разогрел на свече сургуч и залил замочные скважины, которых было целых шесть. Окинув взглядом работу, он принялся закапывать. Еще через час следов ямы и сундука не осталось. Утрамбовав ногами землю, Гюнтер Зоммер вздохнул. Огонь керосиновой лампы едва освещал подвал, создавая причудливые тени на стенах. Было далеко за полночь.

Пермь, год 1939 от Рождества Христова

В Красном уголке школы было суматошно. Кто-то бегал, шурша костюмами, кто-то перебирал листки с текстами, в общем, как всегда перед знаменательным событием. В актовом зале все было готово, над сценой растянут красный транспарант «Да здравствует Вождь мирового пролетариата И. В. Сталин», по стенам висели портреты Иосифа Виссарионовича и его соратников – Ворошилова, Кагановича, Ежова, Молотова. С них они строго смотрели на немного легкомысленно украшенный бумажными цветочками и бантиками зал. Но красный цвет преобладал, так что вождям с портретов беспокоиться было не о чем. На сцене уже стоял картонный молот, копия того, что стоит на Вышке, в углу лежала груда деревянных винтовок и красных знамен.

Егор пришел в школу уже к вечеру. Тоню он надеялся встретить раньше, но она была вся в организации выпускного вечера, и вытащить ее из красного уголка не представлялась возможным. Потершись по школе, в которую он не заходил уже два года, после того, как начал работать на заводе и учиться в ФЗО, повстречав пару знакомых учительниц, которые даже его и не вспомнили, он поднялся на второй этаж и сел в уголке актового зала на стул. Зал был уже полон, выпускники-десятиклассники весело болтали о последних экзаменах и рассматривали свои новые аттестаты. Парни собрались кружочком и обсуждали вступительные экзамены в техникум, девчонки тихо хихикали у окна. Егор чувствовал себя не в своей тарелке.

Учиться он не очень любил. Брат вот все дни корпел над учебниками, а Егорке лучше было побегать по лесу, половить рыбку, уединиться где-нибудь со своими друзьями, Витькой и Серегой в наспех построенном шалаше и потравить разговоры про то, кем они будут работать да про девчонок чего-нибудь. Особенно охоч до разговоров про девчонок был Серега. Он все время живо описывал свои новые свидания то с Ленкой, то с Оксаной, то еще с какими-то девочками из Рабочего поселка, о которых Егор и слыхом не слыхивал. Особенно внимательно они с Витькой слушали про то, как Серега целовался на углу у «Горна» с одной... Конечно, он не целовался, а только врал, но слушать это было завораживающе... Потому что Егор ни с кем еще не целовался и даже не мечтал пока. Пока не влюбился в Тоню. Но как она была далека от него!

Егор вздохнул. В зале потух свет, на сцену вышли первые артисты.

– Слово о революционной Мотовилихе! – громко объявил ведущий.

Хор пионеров громыхнул под баян «Вихри враждебные». Зрители затихли. Школьники, изображавшие рабочих, толпились в центре сцены. Красные флаги развевались над головами. «Лука Иванович Борчанинов» говорил речь о революции.

Когда отец привел Егора на завод после 7 класса, тот мало что знал о жизни рабочих, только то, что видел – тихие пьянки по выходным да стойкий запах машинного масла от суровых уса́тых мужиков, идущих со смены вечером.

Егора приняли учеником в модельный двадцать восьмой цех. Наставником поставили токаря Палыча, еще из старых. Палыч работал на заводе еще со времен царя, выглядел скверно, все время смолил самокрутку аж до самого конца, постоянно опаливая себе густые желтые усы, носил толстенные очки на резинке и любил говорить поговорками.

Поставил он Егора к токарно-револьверному станку с царским вензелем на станине и научил точить неизвестные и непонятные детали из «чугуния». Обучение прошло быстро, и вскоре Егор уже имел свой станок, новый, Сталинградского завода и, получив третий разряд токаря, умело точил заготовки по чертежам, которые давал ему начальник цеха. Работа была муторной, но не такой надоедливой, как на «конвейере» в других цехах. Заготовки менялись, точить разные детали было интересно. Неинтересно было вставать в пять утра. Смена начиналась в шесть, заканчивалась тоже в шесть, но вечера. За опоздание могли пропесочить на собрании цеха или вообще выгнать с завода – а это почти измена стране. Поэтому Егор скрипел зубами, но вставал и шел в громадном людском потоке через малые проходные в свой цех.

Вскоре и он приобрел этот неимоверно стойкий запах машинного масла, горелого металла и вечно грязные руки с лицом. Душа в цехе не было, баню дома топили только по выходным.

На заводе Егор научился курить, правда, денег на папиросы не хватало, и курил он из-за этого редко.

Как-то раз после смены мужики предложили выпить водки, Егор хлебнул, задохнулся, но выпил. После, уже дома, мать учуяла запах, заголосила тихо, а отец оттянул брезентовым ремнем так, что водки Егору больше не хотелось.

Единственно, что было положительного на заводе, так это обеды. Так вкусно Егор нигде не ел. Обед в столовой был просто объединением – щи, жирные, на свиных костях с кислой капустой или борщ с курицей, каша, иногда с котлетой, громадный ломоть хлеба с маргарином, компот и чай – Егор пил оба стакана – с сахаром чай-то! После голодухи, которую пережил пацаненком в девять лет, он уважительно относился к кормежке и ел за троих. Дома таких разносолов не было. На огороде сажали картошку с капустой, их и ели целый год. Мясо отец доставал где-то у дальних родственников в деревне под Добрянкой только в декабре, с оказией доставлял до дома замороженную полутушу свиньи или четверть старой коровы, которую съедали, как ни растягивали, уже к февралю. Кур не били, куры были дороги, пара, что была – несла яйца. Только если помирали от старости – тогда мама варила суп, роняя слезы прямо в кастрюлю от воспоминаний о несущке.

Лица Егор своего не видел в основном, а вот рук с облупленными грязными ногтями последнее время стеснялся. Тоня была такая чистая, а он – как негр какой-то. Усы еще росли плоховато, хоть и выбивались черными волосиками из-под верхней губы. Да редки были. А как же, мужчина и без усов – уродец. Усы Егор тщательно культивировал, да пока без толку.

В зале погасили свет, подсветили сцену красноватой лампочкой и Тоня в куртке из клеенки, выкрашенной в черный цвет, в красном платке вышла на середину. Тоня явно была Розалией Землячкой. Она руководила восстанием. Правда, вместе с ней в толпе пионеров-рабочих еще руководили «Свердлов» и «Борчанинов».

Особенно Егору не понравился «Свердлов» – в очках-велосипедах, в такой же, как у Тони, клеенчатой тужурке: малорослый паренек ненавязчиво и не по роли постоянно обни-

мал Тоню за талию. Егор даже хотел свистнуть, но передумал, выгонят еще, а ему хотелось досмотреть до конца, чтобы потом проводить Тоню до дома.

Постановка кончилась уже затемно. Выпускники пошли гулять во двор школы, на Красную, в Молотовский сад, а Егор поймал Тоню в коридоре.

– Давай провожу? Уж стемнело на улице.

– Так мне ж недалеко,

– Мне тоже домой – по дороге.

– Ну как, понравился спектакль наш?

– Конечно, ты красивая там была, хорошо играла... Наверно, – Егор мало что понимал в театральной деятельности, но надо было высказать какой-то комплимент

Тоня рассмеялась:

– Кожанка только к концу пошла по швам, клеенка не выдержала. А я ее всю ночь шила и красила. Ну да ничего, в следующем году другую постановку будем ставить – про летчиков-полярников. Ты вот кем после школы хочешь стать?

Егор озадачился. Школу-то он уже закончил, ФЗО тоже скоро.

– Летчиком хочу, – неуверенно пробормотал он.

– Правильно, летчиком надо становиться, это смелая и героическая профессия.

– Ну вот, поступлю в механический техникум, вступлю в комсомол, пошлют меня по комсомольской путевке в школу пилотов, – Егор размышлял. В техникум поступать желания не было, и в ближайшие планы не входило, но Тоня... Ради нее Егор был готов поступиться своей свободой от учебы.

Прохладная июньская ночь залезала под курточку и холодом щекотала все тело. Тоня была в одном платье, и Егор, поздно спохватившись, сдернул с себя куртку и накинул на плечи девушки. Тоня благодарно и зябко натянула курточку поглубже на себя. Егор был счастлив.

– Вот и дом, – Тоня скинула курточку и отдала Егору, – спасибо тебе, мне пора.

– Да не за что, пока, увидимся в выходной...

Тоня, чуть замаявшись, метнулась к Егору и погладила его по щеке. Тут же убежала в дом, хлопнув дверью. Егор ошелбенел, потер щеку, и поток счастья накатил на него, как та водка в цехе у мужиков. Шатаясь, он побрел домой по пустынным улицам ночного летнего Висима.

– Погодь-ка, паря.

На пути стояли четверо. Одного Егор узнал – из Тониного класса парнишка – остальные были незнакомые, шпана шпаной, наверно, с Чапаевского или Запруды.

– Ты чо с чужими девками шляешься?

Одноклассник Тони, кажется, Андрей, встал перед Егором.

– С какими это чужими?

– С Тонькой.

– А она чья? Что-то я не заметил на ней ошейника и вроде у нас народная власть, а не баре, – Егор лихорадочно думал, что делать. Дорогу к дому шпана перегородила достаточно плотно, а бежать в остальные стороны было неумно – догонят, там и прятаться-то негде – Висим заканчивался. К реке – еще утопят. Оставалось одно...

– Дюша, дай я ему вдарю! – мелкий шкет в кепочке и рубашке навывпуск подскочил к Егору и бандитским ударом, наотмашь по дуге с разворота залепил кулаком в ухо. Но Егор прикрылся рукой, и шкет отскочил, готовясь к следующему нападению. Другой шпанёнок был покрупнее, в тенниске, даже чуть толстоват и ростом почти с Егора. Видимо, подраться он тоже очень хотел и, встав на место шкета, был вполне готов к атаке.

Но Егор уже все решил. «Как Павка Корчагин, как в книге про сталь», – Егор перенес тяжесть тела на правую ногу выкинул руку снизу вверх, как раз на место чушки толстяка. Костяшки заныли, толстый шпаненок лег на палисадник, сломав пару досок.

Но на этом удача Егора покинула. В затылок прилетело доской или поленом, в глазах почернело, и он оказался на земле. Добивали ногами. Выбирая, что прикрывать руками – верх или низ – Егор инстинктивно выбрал низ, и по голове регулярно припечатывали ботинком. Но вдруг что-то изменилось, кто-то закричал, послышался топот ног. Егор поднял голову и увидел бегущую шпану и друга Витьку с коромыслом, неизвестно где ухваченным. Он вертел им над головой и бежал за пацанами.

Запахавшись, он вернулся к Егору.

– Чо они тебя, сильно? Это с Запруда чуваки, не наши. Ты чего не орал-то? Если б я тут не услышал треск мамкиного палисадника, мочканули бы тебя.

– Да это ж твой дом! А я и не заметил.

– За Тоньку били-то? Дюша к ней подкатывает, я знаю.

Егор смущенно кивнул.

– Ладно, соберемся как нить вечером с пацанами, сходим на Запруд, поговорим. Неча им тут делать, да и Тонька наша, висимская, – Витька подбросил коромысло – айда спать, а то батя проснется, заорет.

– Спасибо тебе, – Егор протянул руку.

– Да чо ты... Бывай, друг, – Витька хлопнул по ладони и скрылся в доме. Егор побрел к себе.

Рим, год 1898 от Рождества Христова

Вечный город засыпал под перезвоны колоколов, как и ранее, тысячу лет подряд. Правда, ныне колокола били не празднично и не набатно, а так, просто звонили там по чему-то своему...

В сердце города за крепкими стенами, окружившими престол Святого Петра, в одной из комнат дворца у камина с пляшущими язычками огня, в креслах с одной едва светящей электрической лампой разговаривали двое. У одного затылок был покрыт красной шапочкой, второй был в цивильном, и только выбритая тонзура выдавала в нем служителя Церкви.

Беседа велась по-итальянски и очень тихо.

– Монсеньер, но как же нам быть? Мы уже тридцать лет заперты в этих стенах, и ни один монарх Европы не оказывает нам должного благочестия. Библию перевирают, Германия и Пруссия, да видно и Франция для нас потеряны. Испания и Португалия слабы, Австрия не вылезает из территориальных игр и претензий на Востоке. Что мы теперь можем? Прошли времена могущества...

– Да, Антонио, – кардинал назвал собеседника мирским именем – ты отчасти прав. Но не все так мрачно. Проблема только в папе. Он нерешителен. Он поручает создавать библейские комиссии, в то время, когда надо действовать. Что толку копаться в книгах и искать ересь? Мы живем на круглой планете, которая вращается вокруг Солнца и солнц этих несметное число. Нет уже геоцентризма триста лет, а мы все еще проклинаям Галилея. Был ли Иисус женат на Марии или сняли ли его с креста живым – что толку в этой возне и погоней за ведьмами. Тем более, что ведьмы уже были... Господи, прости нас, – он перекрестил себя и собеседника и смиренно склонил голову к распятию на стене.

– Так что же нам делать, монсеньер?

– Обратитесь на Восток, Антонио, – кардинал хищно улыбнулся.

– Азия? Опять крестовый поход? Я что-то не понимаю, монсеньер...

– Ну что вы, времена те славные для нашей Церкви давно прошли... Чуть ближе, Антонио, чуть ближе и северней.

– Польша?

– Почти угадали. Россия.

– Россия. Но там тысячелетнее православие.

– А кто сказал, что будет легко? Но есть положительные предпосылки: Польша и Малороссия – католические земли. Там есть наши храмы и наши люди. Это первое. А второе, Антонио, это русский народ.

– Русский народ? И чем он хорош? Его много?

– И это тоже, но главное – русский народ малообразован. Ему нужен король или царь и вера. Европа уже не верит никому и ничему, а на бескрайних русских просторах нет ничего крепче веры.

– Но православие...

– Православие, Антонио, так же прославляет Христа и дарит верующим царствие небесное после мук земных, как и католичество. Мы читаем одну и ту же книгу – Новый завет. А внешний вид веры и обрядов всегда можно чуть поменять, чуть подстроить. Ведь в Африке и Америке наши миссионеры ведут проповеди в храмах из бананов и пальм и на местном туземном наречии? Россия в этом смысле гораздо лояльней.

– Но как? Как это осуществить? Русский царь и их Священный Синод никогда не пойдут ни на какие переговоры с Римом.

– Антонио, будьте хитрее, вы слишком прямолинейны. Вы мое доверенное лицо в тайных делах, а позволяете себе такие недальновидные высказывания. Поработайте головой, она у вас не только для тиары в пасху и Рождество.

– Монсеньер...

– Нужна война... война с Россией. Неважно, выиграет Россия или проиграет – важно ослабление влияния царя сначала на окраины, а затем и на центр. Более того, скажу я вам, России нужна революция. Все потрясения такого плана ослабляли влияние церкви, пока что нашей церкви, на население земель. Ослабление влияния православной церкви даст нам возможность дарить спасение от геенны и отпускать грехи в католических храмах. Как я уже заметил, русскому народу нужен царь и вера. Новый царь, кем бы он не был, деспотом или никчемным шутом, рано или поздно призовет на помощь веру – а тут мы и придем в своем величии... И духовная власть вновь объединится со светской, с той, что мы потеряли, и вновь Римская Церковь станет великой, как прежде!

Кардинал поднял бокал с водой и отпил глоток.

Человек, которого он называл Антонио, благоговейно смотрел на него.

– Вы великий, монсеньер. Вы подобны Ришелье.

– Ну, перестаньте... я просто вижу чуть дальше.

– Не зря папа назначил вас руководителем Священной канцелярии.

– Да... но папа слаб... немощен и духом и телом...

– В случае Конклава вас изберут, монсеньер...

– Ну, Антонио, до этого еще нужно дожить. А сейчас займемся более важными и насущными делами. Давно ли вы были в Вене?

– Пожалуй, лет десять не был. Вена спокойна. Габсбурги охраняют свою Священную империю, как ребенка.

– Ребенок давно и тяжело болен, Антонио. Боснию лихорадит. Сербия, надеясь на Россию, дерзит Францу Иосифу. Все Балканы практически в огне. Наша главная задача – подлить масла в этот огонь. Кстати, а что вы делали десять лет назад в Вене?

– Рассматривал прошение кронпринца Рудольфа, наследника императора о разводе с принцессой.

– А, помню... тогда разрешения не дал папа?

– Да, и бедный кронпринц застрелился с любовницей в охотничьем замке. Амурные дела, монсеньер.

– Амурные ли... Есть еще одно дельце...

- Слушаю, монсеньер.
 - По дороге, так сказать... Во владении Габсбургов, как мне кажется, есть одна вещь... и эта вещь нужна Риму больше, чем им.
 - Мне попросить у императора отдать? Что за вещь?
 - Не все так просто, Антонио. Копье судьбы все еще в Хофбурге, несмотря на наши просьбы. Император имеет статус кардинала и право вето на Конклавах. И у него есть армия. Вряд ли он отдаст ту вещь сам, тем более что он и не знает о ней, скорее всего. Императрица в курсе событий.
 - Елизавета?
 - Да, она. И она сильно обижена на нас из-за сына.
 - Да-да, его тело не хотели хоронить в фамильном склепе.
 - Именно.
 - Так что мне сделать?
 - Надо выяснить, где находится вещь, выяснить, что знает императрица о ней – мне кажется, что многое, – забрать вещь и попросить Елизавету не распространять сведения о ней...
 - Все способы приветствуются?
 - Все, Антонио, любые, что приведут к желаемому результату... Нам нужна война и эта вещь...
 - Так что за вещь, монсеньер?
- Кардинал молча передал свернутый в трубку явно старинный пергамент.
- Священник развернул его, и зрачки его и без того большие в полумраке стали еще больше.
- Ковчег завета...

Пермь, год 1977 от Рождества Христова

Вовка любил, когда приходил журнал, который ему выписывала мама – «Веселые картинки». Журнал был очень интересный, читать надо было мало, картинок было много. А еще разные игры и раскраски. Раскраски, конечно, для Вовки уже были пройденным этапом жизни, но все равно он с увлечением мусолил во рту цветные карандаши для лучшей цветопередачи и с остервенением заштриховывал черно-белые рисунки.

В тот день «Веселые картинки» пришли с прекрасным рисунком, посвященным годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции. Парад, правда, уже прошел, журнал пришел с запозданием, но все равно Вовку потряс этот рисунок. На обложке был нарисован отряд мальчишей во главе с главным Мальчишом Кибальчишом, который был в будёновке и держал в руках громадный маузер, а другие его товарищи-мальчиши стояли рядом, и каждый сжимал в руках оружие. Нога Кибальчиша попирала пулемет «Максим», а вдалеке от них удирали поверженные: Главный Буржуин с толстым Плохишом.

Картинка эта так понравилась Вовке, что он тут же в альбоме среди танковых сражений и красных конников начал перерисовывать этот шедевр.

Получилось похоже. Когда вечером пришла мама, Вовка показал ей картину и мама, не видя журнала, пришла в восхищение и похвалила.

- Ну, точно будешь художником!

Хотя мама лукавила. Конечно, она желала, что бы Вовка стал не художником, а врачом, как она. Но похвалить было надо.

Вовка очень обрадовался. Деда не было, чтоб ему показать, он опять уехал на рыбалку на свою базу.

Вовка очень любил ездить с ним на рыбалку на лодке, но мама отпускала его только летом. Даже иногда жила с Вовкой на дедовой базе неделю. На базе было весело. Вставай, когда хочешь, делай, что хочешь. Можно погулять по лесу, поискать грибы. Можно посидеть с удочкой на мостках. Можно поиграть в моряков на лодках базы, пришвартованных у пирса. А если мама согласится, то и покататься на этих лодочках. Вовка гребет веслами, мама загорает на корме. Даже до белых камней на том берегу речушки доплывал. Камни красивые, крошатся прям в руках и блестят, как алмазы... «Чертов палец» называла их мама.

Вовка за лето набирал этих камней воз.

А еще на базе жил котенок Костя. Он был задиристый и без хвоста. Бабушка говорила, что он породистый. Но бегал он сам по себе, днем жил под верандой и царапал Вовку при попытке его оттуда извлечь. Ночью же он уходил спать на базовскую кухню, а туда Вовку не пускали.

Можно было еще сходить на родник. Там бежала из трубы вкусная холоднющая вода, а рядом росла кислая заячья капуста, которую Вовка с удовольствием употреблял. Недалеко от родника стояли клеенчатые прозрачные домики на лыжах. По слухам Вовка знал, что эти домики рыбаки, такие как деда, зимой таскают с собой по льду реки и сидят там, рыбачат в дырочку посередине домика. Но дырочка была так заманчива, что Вовка регулярно в эту дырочку в домиках делал свое незамысловатое дело. Благо, что домики стояли в укромном месте.

А кататься в дедой на лодке – какое это незабываемое удовольствие! У деда на базе было две лодки с мотором: одна с крылышками, деревянными скамейками, на которых было неудобно сидеть, и мотором «Вихрь-20». «Казанка» называлась. На этой «казанке» Вовка не любил кататься, хотя деда всегда ездил на ней на рыбалку. А вторая лодка была просто роскошная. Название у нее было «Прогресс», на ней стоял мотор «Вихрь 30» и были удобные мягкие сидения. На «Прогрессе» деда ездил по реке на разные базы и иногда даже забирал их с бабушкой прямо из Левшино. Вовка, правда, чаще всего спал на заднем мягком сидении, и даже громкий стук мотора не мешал ему летать во снах. На базе, когда деда не было, он любил сидеть на месте водителя, двигать рычаги, крутить рулем и представлять себя в роли капитана крейсера «Аврора», который видел только на картинках журнала. Но ведь представить себе, что за спиной три дымящихся трубы, а на носу пушка вместо весла несложно.

В тот день к вечеру опять показывали очередную серию замечательного фильма «Семнадцать мгновений весны», но Вовка как всегда послушал вступительную тему «не думай о секундах с высока» и был отрезан мамой от яркого и интересного мира вечернего черно-белого телевидения. Отрезан спинками кресел. Чтоб спал, а не подсматривал. Покрутившись на диванчике под информацию к размышлению, он и заснул. И приснилось ему, что он оказался в своей картинке. И все мальчиши здоровались с ним и говорили: «Готовься, Вовка, ты тоже должен быть мальчишом, и мы дадим тебе сначала винтовку, чтобы ты защищал всех людей земли от Буржуинов и Плохишей. А сейчас, – говорили они, – к тебе придет Мальчиш Кибальчиш и повяжет тебе на шею знак пионеров – красный галстук»

– Но ведь я еще маленький, я в садик хожу, – сопротивлялся Вовка, хотя очень был доволен открывшимися перспективами.

– Ничего, – говорили мальчиши, – сейчас мы повяжем тебе галстук, а потом в школе, тебя снова примут в пионеры.

Вдруг откуда ни возьмись появилась толпа буржуинов, и достали они все револьверы, и мальчиши пошли с ними в бой.

– Айда с нами, бери винтовку, – кричали они Вовке. Вовка начал искать винтовку – а нету ее... А Главный Буржуин уже занес над ним саблю... Вовка испугался, полетел куда-то вниз, в черноту и проснулся. У себя на диванчике. Телевизор уже не работал, было темно, только бабушкина пальма в кадке отсвечивала острыми листьями. На диванчике у него в ногах сидел

Мальчиш Кибальчиш и улыбался. В буденовке и с маузером в кобуре. В красном пионерском галстуке.

– Мальчиш... ты откуда пришел? – Вовка хоть и верил в Деда Мороза, но сомневался в увиденном.

– Ты позвал меня. Тебя ж чуть Буржуин не зарубил, я пришел к тебе на помощь, – сказал Кибальчиш.

– Так это же я во сне!

– Во сне? А где грань между сном и явью, Вовка? Может то, что случается с тобой во сне, когда-то было наяву, а реальность – это только сон?

– Мальчиш, а ты ведь давно жил... ты не умер?

– Вовка, конечно, я не умер. Как я могу умереть?

– Ну, ведь Главный Буржуин тебя замучил, и тебя похоронили на высоком берегу, там, где плывут пароходы... – Вовка осекся и подозрительно посмотрел на Мальчиша – не переодетый ли он дядя?

– Это неправда, Вовка. Я живой вырвался, меня другие мальчиши спасли. Просто Аркадий Гайдар не знал этого. Кроме того, никто не умирает ведь. Вот ты умрешь?

– Я не знаю, Мальчиш..., нет, наверно, я не умру, – Вовка задумчиво почесал за ухом, – наверно...

– Конечно, нет, Вовка. Вот вы в войнушку играете – ведь там у вас никто не умирает?

– Нет, всех только ранят, они лечатся у девчонок, и снова можно играть, – радостно выпалил Вовка.

– Ну вот. Никто не умирает, Вовка. Все живут дальше, а на войне только ранят.

– А где тогда все, кого ранили на войне?

– Все рядом, Вовка. Вот я пришел тебя спасти, когда надо стало. И спас. Только давай я не буду тебе пока галстук красный давать. Пусть тебя в школе в пионеры примут, и ты будешь салютовать мне, как все они, ладно?

– Конечно, Мальчиш.

– Мне пора.

– А ты еще придешь?

– Приду, Вовка. Нам еще много надо рассказать друг другу. Спи.

Проснулся Вовка только от маминого легкого поглаживания.

– Вова, вставай... Вставай, милый, в садик пора идти.

Вовка нехотя слез с диванчика, тайком огляделся. Никаких следов Кибальчиша не было. Вздохнув, поплелся в туалет.

Флоренция, год 1898 от Рождества Христова

Луиджи сидел в пивнушке в центре Флоренции у золотого моста и пил уже вторую бутылку вина. Вечер сгушался, в конце лета всегда так – только было светло – и вот уже темнота окутала холмы Тосканы, улочки старинной Флоренции вместе с бесценными творениями Микеланджело. В кармане у Луиджи оставались жалкие гроши, последний ужин он съел пару часов назад и сейчас просто напивался в одиночестве, даже не думая, как он расплатится за все. В конце концов, в каталажке хоть кормят.

Работу Луиджи потерял давно и скитался по Италии, ища себе собутыльников и пропивая то случайный заработок, то добычу от экспроприации проклятых государственныхников. Анархизм, как его новая религия, был удобен в этом смысле. Где-то с год назад в Неаполе он познакомился с синьором Эррико, который отрекомендовался, как старый друг и ученик Бакунина, и вовлек его в анархизм. Синьор Эррико тайно присутствовал в Италии и вскоре уехал, но перед этим привел Луиджи к синьору Амилкаре, который часто проводил в период

своего лечения от ран время с Луиджи в рассказах о светлом будущем Европы без монархов и гнета государства.

Луиджи, конечно, больше нравилась политика анархистов, чем строгая дисциплина коморры, в направлении которой он тоже посматривал в надежде получить хорошее место и деньги. Но коморра ослабевала. Большая часть уезжала в эмиграцию в Штаты, а в Штаты Луиджи ехать не хотел.

Синьора Амилкаре, его постоянного собеседника и кормильца, арестовали в начале лета. И Луиджи, лишившись крова и денег, пошел странствовать по стране.

Дошел до Флоренции, и средства закончились. Сейчас, сидя в забегаловке, думал он то о том, у кого бы экспроприировать неправомерно нажитые лиры, то о всемирном благоденствии в лоне анархизма, то о бессмысленности своего существования на земле.

Вторая бутылка закончилась, и Луиджи знаком попросил еще. Хозяин недовольно поставил очередное дешевое «Кьянти» на стол перед ним. В баре сидели еще пара пьяных и немолодая уже проститутка. Она все пыталась повеситься на шею элегантно одетому человеку средних лет, который подливал ей игристого.

Человек этот украдкой посматривал на Луиджи и, дождавшись, когда его спутница переключила внимание на другого пьянчужку за соседним столом, быстро поднялся и незаметным тренированным движением подсел к нему за столик.

Луиджи, увлеченный новой порцией вина и думами о своем вечном, даже не заметил нового компаньона.

– Привет, дружище, – доброжелательно улыбнувшись, произнес незнакомец. Луиджи поднял глаза.

– Кто вы, синьор?

– Я друг, Луиджи.

– Но я вас не знаю, синьор. А друзей я помню, тем более, что их у меня совсем мало.

– Ну ты же помнишь синьора Эррико из Аргентины?

– Да, конечно.

– Я его друг, а значит и твой. Я вижу, ты испытываешь некоторые затруднения финансового плана?

Луиджи проследил за взглядом незнакомца и пошире раскинул шелковый шарф. Под шарфом у него была только старая замызганная жилетка.

– Бывает, – резко бросил он, – это временно. Я отдыхаю.

– Послушай, возьми пока немного денег на первое время, – незнакомец достал из кармана сюртука сверток и положил на стол перед собой, – считай, что это помощь от братьев по делу, – заговорщицки прошептал он.

Луиджи удивленно потянулся к свертку. Незнакомец положил на него руку.

– Ты верен нашему делу, Луиджи?

– Конечно, синьор..., как ваше имя?

– Зови меня синьор Антонио...

– Конечно, синьор Антонио, я верю в победу идеалов анархизма! – чересчур горячо воскликнул Луиджи, тихонько выдирая из-под пальцев незнакомца заветный пакет.

– Отлично. Это только начало. Ты нужен нам для великих дел. И скоро мы победим, и вновь Италия будет свободна от короля и притесняющих нас государственныхников. Итак, ты готов для важного дела?

– Да, синьор Антонио.

– Я знаю, ты хочешь прожить жизнь не зря? Ты хочешь остаться в сердцах благодарных людей? Ты хочешь, чтобы тебя несли на руках, как национального и мирового героя?

– Да, да..., – Луиджи залпом выпил стакан «Кьянти» – «Это судьба, господь услышал меня!» – подумал он в тумане опьянения.

– Луиджи, тогда слушай и запоминай. Ты должен уехать из Италии и устроиться в Швейцарии. Пойдешь работать плотником в Женеве к синьору Плеханову. Он русский, я уже предупредил его письмом. Там же будешь получать деньги. Наша главная цель – обезвредить узурпаторов. В Женеве они частые гости. Сам ничего не предпринимай, мы найдем тебя и вместе сделаем главное дело.

– Я и сам могу... надо убить – убью. Надо калечить – покалечу. Я сам! Я буду великим, как Герострат, и спляшу тарантеллу на обломках храма принуждения и государства!

– Тише, тише, Луиджи... Вот билет на поезд до Женевы. Завтра утром. Иди, Луиджи, иди... я заплачу за ужин.

Луиджи шаткой походкой направился к выходу, подошел к парапету. Внизу черной полосой текла Арно, отражая в себе тусклые огни Золотого моста.

«А может, в воду – и дело с концом, – подумал Луиджи, – нет, не нужно, глупо, бессмысленно. В Женеву!» – и придерживаясь за парапет, он пошатал в темноту набережной.

Незнакомец, кинув несколько монет на стол, тоже вышел и недолго смотрел вслед уходящему силуэту.

– Надо контролировать этого полоумного, а то не ровен час что-нибудь не то натворит, – пробормотал он, – *Requiem aeternam dona eis, Domine...* Вечный покой даруй им, Господи...

Пермь, год 1939 от Рождества Христова

Петр Васильич разбудил Егора, и они вместе пошли к малым проходным по улице Лбова. Была половина шестого утра, рабочие стекались малыми ручейками с улиц Висима и Запруда, с Вышки и Гарцов и вливались в громадную реку, текущую к заводу. Небольшой ручеек ночной смены горячих цехов двигался в обратном направлении, но уступал дорогу все сметающему потоку пролетариев, объединенных одной целью – делать пушки.

В сумках у Егора и Петра Васильича лежали завернутые в газету ломти хлеба, лук и по яйцу, что вчера снесла курочка в сарайке.

– Егор, ты уж вечером-то подсоби с забором, – ворчал Петр Васильич, и Егор, уткнувшись взглядом в брусчатку улицы, кивнул.

После турникета проходных они разошлись: Егор в свой модельный, а Петр Васильич в депо.

Кочегар, паренек лет двадцати, Андрейка, уже возился у колесных пар, стуча по буксам и паровым цилиндрам. Сменщик оставил теплый котел, и пар то и дело пробивался через неплотности набивок.

– Ну что, Андрейка, угля подбросил?

– В порядке, Васильич, полчаса – и мы на ходу. – Андрей утер вспотевшее лицо рукавом спецухи, черные полосы от угольной пыли, как боевая раскраска, расчертили его улыбку.

– Мастер приходил?

– Нет еще, нарядов не давал пока. У директора совещание, как кончится – придет.

– Ну, давай проверим тогда, – Петр Васильич взобрался по ступенькам, посмотрел на манометры, проверил уровень воды и масла, приоткрыл заслонку топки. Пыхнуло жаром. Вроде все в порядке. Паровозик у него был маленький, маневровый, на трех осях. На нем было легко крутиться по кривым заводским путям, брал он немного вагонов, но, иной раз мог и составчик вытянуть на Пермь первую. Там уже железнодорожники собирали его вагоны в большой состав.

– Ну, Андрейка, давай помолимся, да и с Богом выведем из депо машинку ... Жарко, что тут пыхтеть нам.

– Васильич, вот чо ты все время – помолимся, с богом... Нету бога! Попов пересажали – они же враги советского народа. Церкви закрыли. Был бы бог, так что, он бы позволит его

храмы ломать? А? То-то, Васильич. Нету никакого бога. Я, как комсомолец, тебе это точно говорю.

Петр Васильич хмыкнул в усы.

– Будя тебе, Андрейка. Так уж и нету?

– Васильич, не доводи меня. Меня уже на комсомольском собрании песочили за тебя. Ты как вагон цепляешь – все время крестишься. Ты эти замашки дореволюционные бросил бы уже. А то не дай бог, лишат премии и меня тоже.

– Вот, и ты Господа-то упомянул, правда, все, – опять хмыкнул в усы Петр Васильич.

– Да черт попутал, блин. К слову пришлось. Мамка тоже вон крестится, от нее и пошло...

– А ты крещеный, Андрейка?

– Ну да. Мамка крестила по рождению. Но крест не ношу и не буду. Без толку. Циолковский в космос ракету запустит скоро, а летчики давно летают и никакого бога не видели до сих пор.

– Так они низенько летают.

– Васильч, нету, и точка!

– А бесы есть?

– Какие еще бесы?

– А вот в тебе щас бес сидит и языком твоим водит, Андрей, – расхохотался Петр Васильич и дал малый ход. Паровоз провернул колеса, дернулся и медленно выкатился из депо.

Пар из цилиндров окутал кабину. Васильич дернул тормоз и спустился на землю.

– Так нет бога-то, гришь? Не читать молитву перед сменой?

– Нет конечно... Убедил ты я?

– Ну, нет, так нет. Давай-ка, подвинь его еще на пяток метров, а то вроде масло подкапывает, посмотрю.

Андрей снял с тормоза, дал пар, и паровоз вновь тронулся, выпустив громадную струю пара под колеса.

– Чо это, Васильич? Блин, давление падает!

С правого цилиндра с грохотом выстрелил предохранительный клапан и, зловеще свистя, скрылся за забором депо. Струя пара повалила еще сильнее, рыча и захлебываясь, как раненый медведь.

– Вентиль закрой, дурило. Клапан сорвало, – Петр Васильич спокойно поднялся по лесенке в кабину.

– К-какой вентиль?! – с истерикой орал кочегар.

– Вот этот, – Петр Васильич уже заворачивал вентиль, и пар внизу спал, стало относительно тихо.

– Я его не проверил, Васильич... сука.

– Не в этом дело, Андрейка... Крестным знаменем я себя не осенил, Господу не помолился. Вот и сорвало вентиль. А ты гришь – нету Бога. Есть он, и все про нас знает и каждую вошь видит. Так что, иди, меняй клапан с Божьей помощью и не поноси имя Его.

– Что у вас тут случилось? – мастер депо с кипой бумаг недоуменно смотрел на лужу воды на рельсах.

– Все почти в порядке, Иваныч, клапан сорвало, щас полчасика и поедем.

– Какие, нахрен, полчасика... Вот наряды на верхние цеха, их в первую очередь, вот на нижние, их потом. Пятнадцать минут даю.

Петр Васильич взял наряды и кивнул. Андрей виновато и споро орудовал громадным ключом внизу. Минут через пятнадцать он вылез из-под паровоза и, утираясь, забрался в кабину.

– Случайность, – пробормотал Андрей, а Петр Васильич тихо перекрестился и одними губами шептал:

– Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.

Андрейка покосился на него, молча открыл дверцу топки и принялся кидать туда уголь.
Рим, год 1898 от Рождества Христова.

Жаркое лето накрыло вечный город раскаленным потоком солнца и духоты. Горожане толпами выходили утром на набережные Тибра и жадно ловили ртами прохладу воды. Фонтаны источали едва помогающую дышать влагу.

Под прохладными сводами крепости Сан-Анджело, на крепостной стене на стульчиках сидели представители культа Христа... По бокам и снизу у входа стояли гвардейцы в цветастых нарядах, под которыми совершенно незаметны были кобуры с револьверами. Командир де Куртен находился недалеко от священнослужителей, демонстративно отвернув голову, явно не вслушиваясь в суть разговора.

– Антонио, – сказал кардинал, отхлебнув ледяного лимонада из высокого бокала, – как у нас дела на востоке?

Эlegantный синьор Антонио, теперь уже в сутане, кашлянув, улыбнулся.

– Все в порядке, монсеньор. Я несколько раз встречался с господином Плехановым в Женеве. Он общается непосредственно с русскими социалистами из России, они подолгу живут у него, пользуются его деньгами и аккумулируют свои кассы у него на счетах. В Боснии и Сербии наши люди будоражат народ, призывают выйти из-под опеки Австрии.

– К папе приезжал посланник Николая, нового русского царя. Папа намекал ему на взаимодействие Церкви и России в южных и западных землях. Но без особого рвения. Официальный курс России – государственное православие, насаждаемое Синодом и царем везде, где русские имеют влияние. Я не раз высказывал его святейшеству свое видение, но папа наотрез отказывается от такого плана действий. Он слаб.

– Кстати, Ваше преосвященство, по той просьбе...

– Да, Антонио, я помню. И что?

– С Елизаветой поговорить не удалось: она в разъездах и замкнулась. Общается только со своими старыми подругами. Но выяснилось, что она встречалась в Вене с неким полковником Зоммером.

– Кто это?

– Офицер лейб-гвардии его Величества Франца Иосифа.

– И чем он примечателен или полезен?

– Он, Ваше преосвященство, отец Марии Валерии, эрцгерцогини Австрийской.

– Да ну? Это уже интересно. Откуда сведения?

– Умолчу. Тайна исповеди, – синьор Антонио усмехнулся.

– Ну-ну, продолжайте...

– Так вот, встреча была тайной, никто не знает, о чем шла речь, но факт, что она была и факт, что Елизавета не общалась с Зоммером более 20 лет – неоспорим. Фрейлины императрицы видели полковника, выезжающим из Хофбурга с багажом, состоящим из одного сундука, довольно тяжелого на вид. Кроме того, данный полковник через месяц после этого подал прошение об отставке. Дальнейшие его действия пока нам не известны, его след потерян.

– А император?

– Император, узнав, что кардинал Австрийский просит аудиенции от Вашего имени, отказал во встрече, сославшись на болезнь.

– Та-ак... Где сейчас императрица?

– В Швейцарии, монсеньор.

– За ней следят? Мне очень надо переговорить с ней.

– Я пытался, монсеньер. Но она отказывается от любых встреч с нами. Верные люди присматривают по мере возможности за ее передвижениями. Тем более, что это несложно, охрана Елизаветы снята по ее просьбе.

– С кем она встречалась?

– Только с фрейлинами. Она мало общается...

– Мозаика сложилась давно, Антонио... Сначала брат Людвиг. Потом сын Рудольф. Странный контакт с полковником лейб-гвардии, который еще и замечен в романтических встречах. Изоляция от общества. Отказ в исповеди и беседах с духовниками и нашей Церковью. Так и есть...

– Что есть, монсеньор? Я не понимаю Ваших умозаключений.

– Антонио, я показывал Вам свиток?

– Да, я помню, с библейским текстом о ковчеге завета. Но что в этом такого? Да, это реликвия, безусловно она нужна церкви, но что такого в этом ларце с мифическими скрижалями и жезлом Моисея?

– Антонио, кроме, как Вы называете, мифических скрижалей, в этом артефакте было кое-что еще. И действия Елизаветы доказывают мне косвенно, что она нашла это кое-что. И именно это послужило причиной смерти ее близких. И если она решит рассказать об этом, то нас ждут большие потрясения. Если не сказать больше.

– Что же это, монсеньер?

– Антонио. То, что знают двое – знают все. Пусть об этом будет знать только один человек – я, кардинал Рамполла дель Тиндаро и более никто... Понимаете ли Вы меня?

– Да, монсеньор, – священник склонил голову в знак подчинения, – у меня все готово.

– Тогда пора. И, Антонио, найдите мне этого Зоммера...

Жаркое солнце клонилось к земле, и тени крепости святого Ангела создавали мрачные картины на мутных волнах Тибра. «Кто же, если не я» – подумал кардинал, провожая глазами статную фигуру своего верного Антонио, спускавшегося по ступеням, истертым временем, имя которому – вечность.

Женева, год 1898 от Рождества Христова

Отставной полковник Зоммер опять ехал в поезде. Императрица мертва.

Паровоз пускал струи пара и черного дыма, остатки этих выбросов пролетали за окном, которое уже давно не мыли. Глядя на альпийские пейзажи, полковник размышлял о том, что он закопал у себя в новом доме в Германии. Зачем императрица отдала ему тогда этот сундук? Что в нем могло быть, погубившее кронпринца и, возможно, ее?

Но, связанный клятвой, которую он дал тогда в Вене, он не вправе был открыть крышку.

Теперь у него было только одно дело – найти, кто стоит за убийцей, мелкой сошкой в большой игре, как казалось ему. Когда из газет он узнал, что Елизавета убита, он долго не выходил из своего кабинета в старом доме в Зальцбурге. Его старый денщик, еще с Боснийской операции, Хайне долго простаивал у двери кабинета с кофейником, боясь потревожить, но и ужасно беспокоясь за здоровье командира. А командир не выходил. Только через три дня Хайне услышал команду: «Кофе, и седлай пролетку, быстро!»

Радостно и быстро, насколько позволяли разбитые ревматизмом из-за частого ночлега на земле в армии суставы, Хайне заправил кофейник, положил масло и булку на поднос, занес его в кабинет. Полковник, с красными от недосыпания глазами, быстро выпил чашку кофе и, пихая Хайне в спину, спустился во двор. Денщик накинул упряжь на лошадь, подтянул подпругу и взгромоздился на козлы. Зоммер уже сидел сзади.

– В Вену.

Добравшись до Вены, они остановились у Хофбурга. Полковник, быстро выяснив, что командир лейб-гвардии находится в Шеннбрунне, приказал ехать туда.

Командир охраны его Величества встретил Зоммера с радушием.

– Как дела, Гюнтер? Как отдыхается? Что привело тебя к нам? У нас вот беда...

– Я знаю, Клаус. Я как раз по этому поводу.

– Гюнтер, тебе это зачем? Хотя ты и был в охране Императрицы, но это было давно. Император в смятении. Из дворца не выходит. Министров не принимает. Мы сидим здесь, как привязанные, уже неделю. Тело ее Величества привезли в Вену...

– Клаус, мне надо знать обстоятельства ее смерти.

– Ее зарезал какой-то анархист. Сейчас много таких сумасшедших шатается по Европе.

– Где он сейчас? Его привезли в Австрию?

– Нет, Гюнтер, швейцарская полиция, как и банки, не разглашают свои дела. Этот человек сидит в тюрьме в Женеве. Говорят, он сам не знал, кого убил.

– Сомневаюсь. У тебя есть контакты в женевской полиции?

– Да, я сейчас напишу тебе рекомендательное письмо к ним. Но вряд ли они тебе чем-то помогут, Гюнтер.

– Пиши. Дальше мое дело.

И вот теперь полковник Зоммер ехал в поезде в сторону Женевского озера.

Несмотря на сентябрь, было тепло и сухо. Горы зеленели, изредка на склонах появлялись и исчезали развалины старых замков, мертвыми остриями камней выглядывавшими из зелени деревьев. Скоро Женева.

Блеснула гладь громадного озера. Поезд, пыхнув паром, заскрипел тормозами и остановился у платформы вокзала.

Зоммер вышел, прищурив глаза.

– Извозчик! – пролетка остановилась, запряженная лохматоногим бельгийским тяжело-возом.

– В департамент полиции.

Копыта тяжеловоза размеренно застучали по мостовой. Лошадь одинаково медленно тянула коляску, что по ровному месту, что в гору. Вскоре она встала у здания полиции.

Зоммер вошел в дом, спросив начальника. Полисмен поздоровался на плохом немецком и проводил полковника в кабинет. Зоммер протянул конверт с письмом.

Бегло просмотрев письмо, начальник женевской полиции развалился на стуле.

– S'il vous plaît, присаживайтесь. Как пояснено в этом письме, Вы в отставке, полковник. Так что же Вы хотите? Я так понимаю, что Ваш визит к нам связан с этим ужасным происшествием?

– Да, вы верно понимаете.

– И чем Вам помочь?

– Расскажите об убийце. Он был один?

– Absolument, он анархист, итальянец. Там все анархисты после этого Гарибальди. Он просто хотел убить кого-нибудь из богатеньких, но у него не было денег на поездки по Европе. Подкараулил хорошо одетую даму здесь и убил. Он даже не знал, кто она.

– Где он сейчас?

– Где ж ему быть, месье, как не в кутузке.

– Могу я с ним побеседовать?

Начальник полиции вновь взглянул на письмо...

– Вы были в охране ее Величества... Конечно, это не в наших правилах, расследование обстоятельств дела еще идет... Но, хорошо, Вас проводят к нему.

– Спасибо.

Зоммер встал и вышел в приемную. Там его ждал полицейский.

– Пройдемте со мной, месье. До тюрьмы надо доехать.

Когда полковник вошел в камеру к заключенному, тот скорчившись, лежал на топчане. На заскрипевшую дверь он даже не обратил внимания.

Зоммер встал у двери. Охранник, клацнув замком, запер ее снаружи.

– Здравствуйте. Меня зовут Зоммер. Я подданный Австро-Венгрии. Я хотел бы поговорить с вами, – Гюнтер едва сдерживал гнев и желание задушить этого человека с черной щетиной на лице.

– Я не хочу ни с кем разговаривать, – на плохом немецком ответил заключенный, – Тем более, что меня уже допрашивали ваши австрияки.

– Я неофициальное лицо, месье. Мне просто хотелось бы поговорить.

– Репортер?

– Возможно.

– Напишите обо мне. Правду. Репортеров еще не пускали ко мне, они перевирают! Или как это по-немецки?

– Вы знаете французский? Давайте поговорим на этом языке.

– Все ваши языки – ничто перед языком революции. Скоро они узнают язык револьверов, проклятые узурпаторы, – заключенный вскочил с топчана и сверкнул черными глазами в сторону полковника.

«Какой же он здоровый», – подумал Зоммер, но продолжал.

– Как Ваше имя?

– Я – великий анархист, великий сын человечества! Обо мне написали все газеты, обо мне узнал весь мир, и я останусь в памяти потомков, как человек, поправший государство и отсекавший голову гидре насилия над личностью! Меня зовут Луиджи Луккени!

– Простите, но какую голову вы отсекли?

– Я уничтожил императрицу... я убил ее... убил и освободил народы...

Заключенный тряс головой и сжимал кулаки. На его лице блуждала улыбка.

Зоммер прищурил глаза.

– Откуда вы знаете, кого убили?

– Я... я... я охотился за ней. Я...

Заключенный осекся. Сел на топчан.

– Продолжайте, Луиджи.

– Нечего мне продолжать. Просто напишите, что я сделал это из великих побуждений и ради угнетенного народа.

– Вы знали, кого убили?

– Все. Ничего не скажу. Ничего не знаю. Я хочу спать. Уходите, – Луккени лег на топчан и отвернулся.

Зоммер еще постоял в камере, слушая несвязное бормотание, затем постучал в дверь. Охранник отпёр, и полковник вышел в коридор тюрьмы.

«Он знал, кого убивает. Он не мог быть один».

Полковник быстрым шагом направился к выходу. «В Женеве придется задержаться».

Когда экипаж отъезжал от здания тюрьмы, Зоммер мельком увидел вышедшего из-за угла дома неприметного человека в сером сюртуке. Тот внимательно посмотрел вслед уезжающей пролетке и тут же вскочил в стоящую рядом. Серый человек ехал за полковником.

Пермь, год 1977 от Рождества Христова

Вовка нежился в кровати, встречая лучи утреннего летнего солнца. Было хорошо и спокойно, потому что Вовка с мамой приехали на базу к деде. Не надо было идти в детсад, не надо вставать рано, можно валяться в кровати хоть до полудня. Мамы уже не было в домике, что

деда построил для них около базы, ушла, наверное, купаться. Мама любила утром купаться у мостков с лодками.

Вовка потянулся и вылез из кровати. Домик был дощаной, но двухэтажный. На первом этаже у деды была кладовка с разными снастями, удочками и прочей утварью, о назначении которой Вовка не знал. А на втором этаже жили они с мамой. Деда жил в своей комнате на базе с дверью, обитой черным дерматином и строгой надписью – «начальник базы».

Вовка выбежал из двери, за домиком в ложке сделал свои дела, умылся из старого умывальника на полянке и зашел в дедову кладовку. Удочки дед делал сам. Они лежали стройными рядами на полочке. Удочки были деревянные, короткие, с намотанной на проволоочное мотовильце леской и самодельными продолговатыми блеснами на конце. Схватив одну из них, Вовка вприпрыжку помчался на дальние мостки. Солнце просвечивало воду насквозь до дна, и было видно все, что там валялось: пара консервных банок, оставшихся с прошлых выходных от постояльцев, ветки и окуни, стоявшие у дна и вяло шевелившиеся красными плавниками. Вот их-то и надо было Вовке. Он аккуратно распустил леску с мотовильца и окунул блесну в речку. Блесна была размером с окуньков, но Вовку это не останавливало. Он подергал удочку, лежа на животе на мостках и глядя в воду. Блесенка начала выписывать зигзаги, как больная рыбка. Окуньки недоуменно сгруппировались около неизвестного предмета, но не стали его есть. Вовка почесал затылок.

– Ну, че вы, рыбы..., – пробормотал он и стукнул одного из окуней блесной по голове. Рыба тут же отомстила обидчику, и скоро трепыхалась на мостках, подцепленная на острый крючок.

– Хехе, вот... щас всех вас поймаю, – злорадно завопил Вовка. Но остальные рыбы, видимо, поняв участь товарища или просто от лени, даже не пытались скушать аппетитную блесну и вскоре вообще уплыли из зоны досягаемости Вовкиного взгляда.

– Ну и ладно, – Вовка осторожно отпустил еще живого окунька обратно в реку. – Плыви.

Заглянув под мостки, неожиданно он увидел у уреза воды движение. Присмотревшись, испуганно вскочил – под мостками бегала настоящая крыса! Крыс Вовка недолюбливал. Осторожно подкравшись вновь к краю, он заглянул вниз. Крысы не было.

– А-а, она ж меня укусит, наверно на мостки забралась, – Вовка оглянулся, но вместо крысы обнаружил сзади сидящего Мальчиша Кибальчиша.

– Ой, привет. Ты сам сюда приехал?

– Привет, Вовка. Да, сам.

– На электричке? Там же идти долго. Час целый. Или на пароходе?

Мальчиш неопределенно махнул рукой – типа, да.

– Давай я тебе лес покажу? – Вовка потащил Мальчиша в лесок за домик. Там как раз всегда росли красноголовики, и Вовка хотел показать, где. Но грибов там не оказалось, он расстроено встал у елки.

– Наверно, надо заглянуть под ветки елок. Бабушка так всегда делает и находит грибы. Давай, заглядывай, – Вовка начал поднимать лапы елок. И неожиданно обнаружил под одной громадный белый гриб!

– Ура! – пропищал Вовка и гордо потащил гриб к Мальчишу. Тот улыбался.

– Хороший гриб. Молодец ты, Вовка.

– Маме потом отдам. Мальчиш, а пошли играть в войнушку. Только у меня здесь нет игрушек, давай из палок сделаем? Я буду красногвардейцем, а ты белогвардейцем. Тут Вовка озадачился. Как Мальчиш-то будет белогвардейцем, если он Мальчиш Кибальчиш?

Мальчиш молча стоял под громадной елью.

– Ну ладно. Давай я буду белогвардейцем. Ты меня выследишь и убьешь. Пошли?

– Вовка... А вот скажи, это ты кучу навалил у деда в домике для рыбалки? – неожиданно строго сказал Мальчиш.

– Ну... А ты откуда знаешь? Я просто хотел очень... надо деду сказать, да?

– Молодец, честный. Нет, деду не надо.

– А как же...

– Нет там уже ничего, – Мальчиш улыбнулся. – Ну, пошли играть.

Сделав из сучков пистики, они радостно поиграли в войнушку, причем Мальчиш даже один раз был белогвардейцем. Вовка реалистично изображал муки убитого врага, когда Мальчиш подстерегал его в каком-нибудь ложке и кричал – «Пух, убил!».

Наигравшись, они развалились в дальней лодке на скамейках.

– Вовка, а тебе сколько лет?

– Шесть. Мне на следующий год в подготовительную группу, а потом в школу.

– А ты хочешь в школу?

– Конечно, очень хочу.

– Чтобы быть школьником, надо быть самостоятельным. Давай учиться самостоятельно?

– Это как? Давай, – Вовка с радостью согласился.

– Я буду давать тебе задания, а ты должен их выполнить. Выполнишь – получишь подарок.

– А какой?

– От задания зависит. Например, приму тебя к себе в отряд мальчишей.

– Давай.

– Ты когда с мамой обратно в город вернешься?

– Наверно, завтра. Хотя мне и неохота, здесь лучше. В садик не хочу.

– Надо. Вот тебе первое задание – приехать из садика домой самому. Сможешь?

– Конечно! – Вовка знал все остановки и все номера автобусов. – Надо выйти из садика, повернуть направо, дойти до остановки, сесть на автобус номер четыре и выйти через семь остановок на остановке «Южный». Это просто!

– Ну, ты попробуй, – улыбнулся Мальчиш и растворился в потоках горячего воздуха, поднимающегося от нагретой лодки. Вовка покрутил головой, но обнаружил только маму, которая с полотенцем шла со стороны соседней базы.

– Мам! Ты Мальчиша не видела?

– Какого мальчиша? Пошли завтракать, Вова, вылезай из лодки, я уже давно на летней кухне яйца сварила.

– Шас. Да Мальчиша Кибальчиша?

Мама вытащила Вовку из лодки и положила руку ему на лоб.

– Вроде нормальная температура. Иди, давай. Никого я не видела.

И Вовка поплелся есть яйца вкрутую.

В первый день садика Вовка твердо намерился выполнить задание. Но все никак не получалось. То мама приходила очень рано за ним, чему раньше он был бы рад, а сейчас хмурился и недовольно ворчал на нее. То воспитательница была Валентина Николаевна, жуткой строгости женщина, которая выдавала детей по счету родителям и только в раздевалке, а не на улице. Какая с ней улица, она гулять-то разрешала только парами мальчик-девочка за ручку, как малышня.

Короче, удобного момента никак не случалось, и Вовка уже отчаялся. Задание выполнить было не так легко. Прав был Мальчиш. Но Вовке хотелось быть самостоятельным, хотелось совершать подвиги, быть, как Мальчиш Кибальчиш.

И вот – свершилось, мама где-то задержалась, то ли на работе, то ли в институте, и воспитательница была в тот день хорошая, добрая, Таня. После ужина она выпустила детей на улицу на площадку, и они играли, а родители просто приходили в ограду детсада и забирали. Вскоре

забрали всех, и Вовка остался один. Он воровато зашел в группу, проследил за Таней. Она безмятежно читала книжку.

– А, Вова. За тобой еще не пришли? Ну, посиди в группе, подожди, – и Таня вновь уткнулась в книжку.

Вовка пошатался по группе, осторожно вышел на улицу. Никого. Также тихо он проскользнул за калитку детсада и быстро пошел в сторону автобусной остановки. Желтый «Икар» подошел сразу. Номер четыре. Тот, что надо. Вовка забрался по ступенькам и уселся на сидение. Было уже поздно, и народу было мало. И тут его прошиб пот. У него нет денег! Нет денег, чтобы бросить в кассу и открутить билетик! Шесть копеек, которые всегда давала ему мама, когда они ехали вместе... Как же, как быть? Вовка ерзал на сидении. А если придет контролер? Его посадят в тюрьму? Кто его оттуда достанет, ведь никто не знает, где он! Вовка быстро вскочил с сидения и спрятался на площадке за громадным запасным колесом. Он стал маленьким, как гном, и незаметным. Семь остановок Вовка боялся. Но контролер не пришел, а нужная остановка случилась, и он быстро, как молния, выскочил из автобуса и с облегчением вздохнул. Вот какие задачи задает Мальчиш-то! Непростые. Но он справился. И Вовка побежал по дорожке к дому.

Заскочив домой, он обнаружил ботинки дяди и его самого на кухне, пьющим чай с бабушкой. Радости еще прибавилось. Дядя был военным, в форме, с погонами, приезжал откуда-то издалека и всегда с подарками.

– Дядя! Привет! А я сам приехал!

Бабушка строго посмотрела на Вовку и спросила:

– А мама где?

– Мама? Не знаю...

– Ах ты, маленький негодник, ты что, сбежал? Ну-ка марш обратно в детсад и не возвращайся без матери. Самостоятельный нашелся. Пошел вон! – бабушка была очень строгой.

Вовка заревел. Настроение было совершенно испорчено. Ревя, он поплелся обратно к двери, но, вспомнив, всхлипывая, проныл:

– Бабуляя... у меня нет шести копеек... Дай мне, а то меня в тюрьму заберут без билета...

– Там тебе и место, негодник, – прошипела бабушка, но ситуацию спас дядя.

– Пошли со мной. Поедем маму искать.

Дядя забрал ревающего Вовку, и они поехали обратно.

В садике ходили мама и Таня. Увидев Вовку и дядю, мама радостно побежала к ним, обняла Вовку, гладя его по голове.

– Ну, где ты был, дурашка, – ласково спросила она. – Привет, брат. Где ты его нашел?

Дядя многозначительно промолчал, а воспитательница Таня обеспокоенно говорила:

– Вот только что был, а потом смотрю – нету... искала, искала...

– Мама, где ты была так долго? – Вовка утер сопли.

– Задержали на дежурстве, сынуля. Давай, пошли домой.

– Пошли, Вова. Я тебе ж подарок привез – настоящую кобуру от пистолета и ремень. А в кобуре маузер, – дядя потрепал Вовку по вихрам.

– И, кстати, Вова, дети до семи лет в автобусах ездят бесплатно, – смеялся дядя.

И они пошли. И Вовка был счастлив. Потому что у него была самая лучшая мама. И самый лучший дядя. И он выполнил первое задание.

Франкфурт, год 1924 от Рождества Христова

К концу войны Вальтер, потеряв четырех или пять лошадей, пересидев в окопах контрудары союзников, получив ранение русской пулей в ногу, вернулся домой в звании майора,

почти как и начинал эту нелепую, но длинную и проигранную войну. Не стало уже кайзера, в стране происходили непонятные для его уставшего и отупевшего за время боев мозга, события, но во Франкфурте, далекого от всех политических событий, было относительно спокойно и мирно. Германия не нуждалась более в услугах кадрового кавалерийского офицера и все, что он имел, перешагнув порог дома, построенного отцом для него – это чудом уцелевшая сабля родителя. В кармане, правда, брэнчало несколько марок, но на них мало что можно было купить. А лес недалеко от дома шумел ветвями, а Марта встретила его горячими объятьями, Альфред, которому шел уже шестой год, недоверчиво поглядывал на отца из-за двери комнаты. Вальтер не был дома четыре долгих года. Проклятая война. Хотя, как можно проклинать профессию, дающую хлеб? Дававшую – поправил себя Вальтер.

Отмывшись и отоспавшись, отлюбив жену за все года, Вальтер играл с сыном на лужайке за домом, потягивая вино из довоенных остатков в погребе и покуривая свою трубку.

Месяца три он не читал газет, не занимался более ничем, кроме семьи. Но семью надо было кормить, и Вальтер был вынужден искать работу. Какую работу можно найти кавалеристу? Конечно, скакать на коне. Благо, что местный богач искал себе егеря в частные угодья под Ханау. Вальтера он принял с распростертыми объятьями, назначил жалование, достаточное для проживания, выдал медный рог и лошадь. Задача была простая: следить за чистотой, не давать чужим разорять лес и загонять оленей и косуль, когда хозяин прибывал на охоту. Охоты случались редко, и большую часть времени Вальтер отдыхал во флигеле охотничьего домика. Так в умиротворении он провел несколько лет.

Однажды, прокатившись и осмотрев окрестности, он расседлал лошадь, отнес седло в сарай и отпустил ее пастись в ограде загона. Неожиданно послышался шум подъезжающего автомобиля. «Странно-, подумал Вальтер, для хозяина еще рано, середина недели, а гостей быть не должно».

Он вышел к воротам, ожидая появление автомобиля. Тот не замедлил показаться. Поднимаемая пыль, машина неспешно ехала по лесной дорожке, направляясь прямо на Вальтера.

В машине сидел шофер и, судя по одеянию, католический священник.

Вальтер сдержанно кивнул, вопросительно поднял брови. Священник вышел из автомобиля.

– Вы Вальтер Зоммер, или я ошибаюсь?

– Да, он самый. Чем могу быть полезен?

– Не пройдем ли в дом. Хотел побеседовать с Вами.

– Милости просим, но я живу во флигеле, дом закрыт хозяином.

– Ничего, можно и во флигель.

Священник бодрым шагом пошел впереди по указанному Вальтером пути.

«Для священника слишком хорошая выправка и четкий шаг», – про себя подметил Вальтер. Годы фронта научили его быть внимательным.

Зайдя в домик, священник быстро окинул взглядом помещение и сел на стул у камина. Вальтер опустил на топчан.

– Господин Зоммер, вы часто общались со своим отцом?

– А к чему вопрос? Отец давно умер. И кто вы?

– Я представитель Святого престола, господин Зоммер.

– И что же католическую церковь интересовало в моем отце? И зачем священнику оружие? – Вальтер кивнул на неестественно вспучившуюся сутану на правом боку посетителя. – И не говорите, что это Библия, пастор, я прекрасно разбираюсь в оружии.

– Не сомневаюсь, господин Зоммер. Времена сейчас опасные, особенно в Германии, неспокойно, то коммунисты, то социалисты. Это так... на всякий случай. Тем более что Католическую церковь теперь у вас в стране не очень почитают. Так я повторю вопрос : Вы часто общались со своим отцом?

– Нет. Не часто. Точнее, совсем не общался. Военная служба не позволяет делать то, что хочется.

– А почему он уехал из Австрии? Дом, в котором Вы живете, это же его дом?

– Как сказать. Он построил его, действительно, но не жил. Жил в своем доме в Зальцбурге, там и умер. Почему уехал? Вроде бы он вышел в отставку и решил отдохнуть. А в чем все-таки дело?

– Он ничего не говорил Вам о сокровищах Габсбургов? Об императрице Елизавете?

– Нет... О какой Елизавете? Которую убили в конце прошлого века?

– Ну да.

– Нет, я же говорю: мы не общались. Он был занят своими делами, я – своими. Знаете ли, корпус, армия. Я был молод.

– А когда ваш отец умер, вы приезжали на похороны?

– Ну конечно.

– И что-то Вы находили в доме отца, может быть, дневник, записки?

– Его старый денщик, он тоже умер уже, передал мне только отцовскую саблю. Сказал, отец хотел, чтобы она была всегда со мной. Так я прошел с ней всю войну.

– И все?

– Все.

– А не могли бы Вы съездить в старый дом отца в Зальцбург вместе со мной. Ведь он перешел в ваше владение после смерти. Он еще Ваш?

– Вроде бы да. Мне некогда было заниматься им, да и кому нужен старый дом. Объясните, к чему это все? Для чего я должен с неизвестным служителем Церкви с пистолетом на боку разъезжать по Европе и копать в старых вещах моего отца? У меня есть работа, работу сейчас сложно найти, хозяин меня не отпустит. Нет, господин хороший, я никуда не поеду.

– Даже если я предложу Вам деньги?

– Хм... деньги. Нынче деньги превращаются в фантики за короткое время. Я требую объяснений для начала.

– Хорошо. Вы знали, что Ваш отец был полковником лейб-гвардии Австро-венгерского двора? Он был вхож к императору и императрице. И в его обязанности входила охрана монарших особ и дворцов. А во дворцах Габсбургов хранится немало древних сокровищ. По нашим данным, одно из сокровищ, в том числе принадлежащих Святой Церкви было им похищено. Это надо вернуть, исправить служебное преступление, совершенное вашим отцом. Извините, Вы сами хотели подробностей. Мы считаем, что Ваш отец спрятал краденое где-то в местах своего проживания.

– Да как Вы смеете! Мой отец никогда не сделал бы это. Не соблаговолители бы Вы выйти вон!

Рука гостя уверенным движением потянулась было к правому боку, но Вальтер, годами войны наученный быть на стороже, уже держал в руках охотничий штуцер, направив его на человека в сутане.

– Вы пожалеете об этом, – прошепел священник и осторожно отступил в дверной проем. Вальтер сопровождал движение стволом ружья.

– Не вздумайте больше приходить сюда, господин священник, – крикнул Вальтер вслед отъехавшему автомобилю.

«Что же это такое», – подумал Зоммер, переведя дух и уже сидя на стуле у камина во флигеле охотничьего дома – «Что сделал мой отец? Причем здесь Рим?»

Мысли путались, и он налил себе конька из запасов хозяина. К вечеру в голове оформилась необходимость действий.

К выходным приехал владелец угодий, еврей-банкир с несколькими друзьями из высшего общества Франкфурта. Наутро они изъявили желание поохотиться, и Вальтер, выставив

их на номера и визуально оценив навыки владения оружием, коих было мало, погнал на них сбоку, чтоб не подстрелили ненароком, косуль с восточных лесков. Косуль было много, и пара выскочила прямо на охотников, которые долго возились с затворами и прицелами и в итоге застрелили-таки одну из косуль, а вторая, раненная в ногу, взвилась в прыжке и ушла в лес. Вальтер догнал ее и уверенным выстрелом оборвал жизнь животного. Волки и так расплодились по окрестным лесам и нечего давать им лишний корм. Тем более Марта просила немного мяса, а хозяин в хорошем расположении духа позволит отрезать хороший кусок.

За вечерним ужином, освежаясь предварительно косуль и повесив две ноги на вертел камина, Вальтер подошел к хозяину.

– Я бы хотел отпуск. На неделю. Мне надо съездить на могилу отца в Австрию.

Разгоряченный коньяком и удачной охотой, банкир не отказал.

– Езжайте, конечно. Мой конюх посмотрит за домиком. И возьмите мяса семье, мы столько не съедим.

Вальтер поклонился и вышел собираться домой.

Пермь, год 1939 от Рождества Христова

1.

Тоня сидела дома и писала свой девичий дневник. Лето клонилось к концу, дикие комары и оводы исчезли, вечерами было прохладно. Девчонки разбежались по пригородным деревням помогать родителям и дальним родственникам полоть картошку и прочие овощи в надежде прожить зиму в достатке. У Тониных родителей огородов не было, только дальние родственники за Камой в Курье держали несколько грядок, да к ним никто не ездил, ибо не зря их раскулачили и дом забрали. Теперь они ютились в землянках, копали огород и тихо радовались, что не сослали куда подальше. К ним ездили редко и тайно. Капуста и картошка росла в ограде дома, ее хватало с растяжкой до весны. Вот с утра Тоня как раз и занималась прополкой и поливкой. Прополка-то еще нормальное занятие – сиди себе, дергай сорняки, а вот поливать-то было тяжеловато: ведра на коромысле с водой приходилось носить с колодца на улице, колодец был недалеко от дома. Мама с папой на работе, сестренка старшая, хоть и старше на год, но больная, и из-за этого выглядевшая тоньше и младше, сидела в комнате, рисовала. Хорошо, красиво рисовала, Тоня даже иногда зайдет посмотреть и стоит, удивляется и оторваться не может от картинок. Папа сестре краски покупал, не скупился. Вот и сейчас, наверно, рисует...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.